

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ
ХАРКІВСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
ІМЕНІ В.Н. КАРАЗІНА
ФАКУЛЬТЕТ ІНОЗЕМНИХ МОВ
КАФЕДРА ДІЛОВОЇ ІНОЗЕМНОЇ МОВИ ТА ПЕРЕКЛАДУ

МАТЕРІАЛИ
IV МІЖНАРОДНОЇ НАУКОВОЇ КОНФЕРЕНЦІЇ
**КОГНІТИВНО-ПРАГМАТИЧНІ
ДОСЛІДЖЕННЯ
ПРОФЕСІЙНИХ ДИСКУРСІВ**

22 БЕРЕЗНЯ 2014 Р.

Харків 2014

УДК 81 (082)

Наукове видання

Затверджено рішенням
Вченої ради факультету іноземних мов
Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна.
(протокол № 2 від 22 лютого 2014 р.)

ОРГАНІЗАЦІЙНИЙ КОМПТЕТ

В.Г. Пасинок, доктор педагогічних наук, професор
І.С. Шевченко, доктор філологічних наук, професор
Н.М. Старцева, кандидат філологічних наук, доцент
О.В. Драчук (відповідальний секретар)

Матеріали ІV міжнародної наукової конференції «Когнітивно-прагматичні дослідження професійних дискурсів». – Харків : Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, 2014. – 120 с.

Збірка містить матеріали ІV міжнародної наукової конференції «Когнітивно-прагматичні дослідження професійних дискурсів», присвяченої лінгвокогнітивним та прагматичним студіям, дослідженню мов професійного спілкування, когнітивним проблемам перекладу і викладанню іноземних мов. Тези доповідей, представлених у збірці, мають на меті сприяння розвитку вітчизняної лінгвістики, зокрема, її когнітивно-дискурсивної парадигми.

Для лінгвістів, викладачів, аспірантів, пошукачів.

Адреса редакційної колегії:

61022, Харків, майдан Свободи, 4
Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна
Тел.: (057) 707-51-44

Тези розповсюджуються в електронному вигляді

© Харківський національний
університет імені В.Н. Каразіна, 2014

ЗМІСТ

Т.А. Безугла ПОРІВНЯЛЬНИЙ АНАЛІЗ АНГЛО- ТА НІМЕЦЬКОМОВНОГО РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСУ	8
Л.Р. Безуглая К РАЗГРАНИЧЕНИЮ ДИСКУРСИВНЫХ И ТЕКСТОВЫХ КАТЕГОРИЙ	10
О.Д. Бикова РЕКЛАМНИЙ СЛОГАН ЯК ЕЛЕМЕНТ РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСУ: ТРАНСЛЯТОЛОГІЧНИЙ ПІДХІД	12
Л.Я. Брославська WAR ЯК ОДИН З КЛЮЧОВИХ КОНЦЕПТІВ У ПРОФЕСІЙНОМУ ДИСКУРСІ Е. ҐЕМІНГВЕЯ	15
О. V. Vakhovskaya FROM LANGUAGE STUDIES TO THE LANGUAGE CLASSROOM	19
С.К. Гаспарян, А.Т. Князян ГЕНДЕРНЫЕ КОГНИТИВНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В ПЕЧАТНЫХ СМИ	22
В.А. Дорда, М.В. Пономаренко СТАТУС МОРФЕМНЫХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ НЕГАЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	25
А.В. Зінченко ПРАГМАТИЧНІ ПОТЕНЦІЇ КВАНТИТАТИВІВ У ПУБЛІЦИСТИЧНОМУ ДИСКУРСІ	28

И.В. Змиёва ДИСКУРС В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ	31
А.Б. Калюжная СРЕДСТВА АКТУАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ КОНЦЕПТА <i>ТАЙНА</i> В ДЕТЕКТИВНОМ ДИСКУРСЕ	33
М.В. Карпусенко ВОСПРИЯТИЕ ВРЕМЕНИ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ (на материале англо-американской традиции)	36
В.А. Кашкарёв КОНЦЕПТ <i>ВЕРА</i> В РЕЛИГИОЗНОМ И СВЕТСКОМ ДИСКУРСАХ	38
В.С. Куліш АВТОРСЬКА ІНТЕРПРЕТАЦІЯ ПОЕТИЧНИХ ОБРАЗІВ МОВЧАННЯ (на матеріалі поетичного дискурсу корелюючих мов)	42
И.А. Куприева ДИСКУРС КАК СРЕДА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГЕШТАЛЬТОВ	45
А.В. Лещенко ТЕКСТ И / ИЛИ ДИСКУРС?	48
Я.Н. Литовченко МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ПЕРЕВОД КАК ИГРА	51
Я.Ю. Манжос СПЕЦИФІЧНІ ОЗНАКИ АНГЛОМОВНОЇ ЮРИДИЧНОЇ ТЕРМІНОЛОГІЇ	53

V.V. Mykhaylenko ON THE WAY TO PROFESSIONAL DISCOURSE.....	56
О.В. Михайлова ЖАНРОВІ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЮРИДИЧНОГО ДИСКУРСУ	59
Н.А. Олейник ВЕЛИКАЯ ДЕПРЕССИЯ КАК ПРОТОТИП КАТЕГОРИИ <i>КРИЗИС</i>	63
Л.М. Писаренко ОСОБЛИВОСТІ ДИСКУРСУ ПОЛІТИЧНОГО ТОК-ШОУ	66
А.А. Прокопенко РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИЙ И ТАКТИК В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	69
И.В. Рябенская ПЕСЕННЫЙ ДИСКУРС: ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ СОСТАВЛЯЮЩИХ	72
Л.М. Рябих ХАРАКТЕРИСТИКА ФОРМАЛЬНИХ ЖАНРОВИХ ЕЛЕМЕНТІВ МОНОЛОГІЧНОГО БЛОКУ АМЕРИКАНСЬКОЇ АКАДЕМІЧНОЇ ЛЕКЦІЇ	75
И.А. Семёнкина АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ ТРАНСФОРМАЦИИ	76
Т.А. Скрябина, А.А. Сторчеус ИЗ ОПЫТА СОЗДАНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО МЕДИАСЛОВАРЯ МЕДИЦИНСКИХ ТЕРМИНОВ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ- МЕДИКОВ К КЛИНИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ	80

И.Р. Сапрун, Н.Н. Старцева ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА <i>БИЗНЕСМЕН</i>	83
Ю.В. Судус СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ АНГЛОМОВНОГО ДИПЛОМАТИЧНОГО ДИСКУРСУ	87
Л.В. Терехова ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ГАЗЕТНОГО МАКРОТЕКСТА	91
Т.М. Тимошенко ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОККАЗИОНАЛИЗМЫ КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРИЕМ И СРЕДСТВО ЭКОНОМИИ РЕЧЕВЫХ УСИЛИЙ	94
И.Ф. Ухванова, А.В. Григорович ЛИНГВИСТИКА ЯЗЫКА, РЕЧИ, ДИСКУРСА: ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ	97
І.О. Ходос ЛІНГВОПОЕТИЧНИЙ АЛГОРИТМ ІДЮДИСКУРСУ С. ФІЦДЖЕРАЛЬДА	100
И.В. Чекулай, О.Н. Прохорова МЕСТО ДИСКУРСА В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА И РЕЧИ	103
Ю.Ю. Шамаева ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КАТЕГОРИАЛЬНО-МОДУСНОЙ ЕДИНИЦЫ МАТРИЧНОГО ЗНАНИЯ <i>ЭМОЦИЯ</i> В ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДИСКУРСАХ	106

I.S. Shevchenko TRANSLATION SKILLS AND REQUIREMENTS OF THE EU COMMISSION	110
В.І. Юшкевич ЛІНІЙНА МОНОТЕМАТИЧНА МОДЕЛЬ АНГЛОМОВНОГО ДІЛОВОГО ДИСКУРСУ	113

ПОРІВНЯЛЬНИЙ АНАЛІЗ АНГЛО- ТА НІМЕЦЬКОМОВНОГО РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСУ

Т.А. Безугла (Харків)

Доповідь присвячено порівняльному аналізу лінгвопрагматичних, стилістичних і текстових властивостей англо- і німецькомовного рекламного дискурсу, який здійснюється у рамках етнопрагматики, що передбачає виявлення національної специфіки функціонування мовних одиниць у дискурсі. У дискурсах, що порівнюються, нас цікавлять явища, що виявляють свою функціональну релевантність у мовленнєвій комунікації – способи реалізації мовленнєвих актів (далі – МА), їх прагматичні характеристики, функціональне навантаження структур та стилістичних засобів, взаємозв'язок вербальних і невербальних компонентів дискурсу.

У прагматичному відношенні, релевантними є іллокутивні властивості рекламних слоганів. Усі слогани реалізують директивні МА, оскільки метою реклами є спонукання адресата обрати певний товар або послугу. У тих висловленнях, які реалізують асертиви, комісиви та експресиви, директивна іллокуція виражена імпліцитно. Таким чином, рекламні слогани реалізують МА асертивного, директивного, комісивного та експресивного типів.

У досліджуваних дискурсах зареєстровано перевагу асертивного МА. Для німецькомовного рекламного дискурсу типовими є риторичні запитання, які використовуються для введення або для вираження ствердження, тобто реалізують непрямий МА (відповідно, контактив або асертив). В англomовному дискурсі переважають прямі асертиви та експресиви.

Прагматичний аналіз рекламного дискурсу передбачає також встановлення імпліцитних смислів (імплікатур) – дедуктивних та індуктивних. Дедуктивні імплікатури виводяться за логічними законами згідно з принципом дедукції. Конструювання імпліцитних смислів відбувається у процесі дедуктивного умовиводу на підставі посилок за моделлю опосередкованого силігізму. На відміну від дедуктивних, індуктивні імплікатури конструюються не за правилами формальної логіки, а тільки на ґрунті буквального смислу висловлен-

ня та дискурсивного контексту. Індуктивний тип імплікатури передбачає висновок за індуктивним принципом. В обох типах дискурсу переважають індуктивні імплікатури, в англомовному дискурсі дедуктивні імплікатури не зафіксовані.

Для досягнення якомога більшого перлокутивного (впливового) ефекту, який полягає у покупці адресатами рекламованого товару, в рекламному тексті використовуються різноманітні стилістичні засоби (лексико-, синтактико- та фоностилістичні), які спроможні підвищувати його експресивність та фасцинативність. У такий спосіб стилістичні властивості рекламного дискурсу постають підпорядкованими його прагмадискурсивним властивостям. В аналізованих дискурсах найчастотнішими стилістичними засобами є метафора, метонімія, гіпербола, алюзія та гра слів. Для німецькомовного дискурсу також характерними є парцеляція, силепсис та внутрішня рима, для англомовного – оксиморон.

Рекламний текст розглядаємо як креолізований – складовими якого є дві негомогенні частини – вербальна та невербальна (автори терміну – Ю.О. Сорокін та Є.Ф. Тарасов [2, с. 180]). Слідом за О.Є. Анісімовою, виокремлюємо три групи креолізованих текстів за ступенем креолізації – тексти з нульовою, частковою та повною креолізацією [1, с. 15]. Під креолізацією розуміється наявність невербального компонента та його взаємодії з вербальним. Зафіксовано перевагу текстів з частковою креолізацією в німецькомовному рекламному дискурсі та текстів з повною креолізацією – в англомовному.

Література

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) / Е.Е. Анисимова. – М. : Изд. центр “Академия”, 2003. – 128 с.
2. Сорокин Ю.А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. – М. : Ин-т языкознания РАН, 1990. – С. 180–196.

К РАЗГРАНИЧЕНИЮ ДИСКУРСИВНЫХ И ТЕКСТОВЫХ КАТЕГОРИЙ

Л.Р. Безуглая (Харьков)

В докладе предпринимается попытка разграничить дискурсивные и текстовые категории на основе широкого и узкого понимания категории по А.В. Бондарко [1, с. 7]. Под категорией в широком смысле понимается парадигматическая группировка, в которой в качестве носителей близких значений выступают разнообразные языковые средства во взаимодействии с контекстом. Узкое понимание касается системы признаков категории, инвариантных свойств множества текстов как знаковых посредников дискурса.

И дискурсивные, и текстовые категории (как и сами категории дискурса и текста) относятся к понятийным лингвистическим категориям, являющимся результатом мыслительной деятельности человека и противопоставляемым природным категориям, которые имеют в качестве денотата определенную реалию. Речемыслительные процессы и состояния коммуникантов в ходе реализации дискурса (такие, как оценка, импликация, эмоции и т.п.) представляют собой дискурсивные категории. Они определяют тип реализующегося дискурса (оценочный, не прямой, эмотивный и т.п.) и находят отражение в соответствующих текстовых категориях, характеризующих возникающий текст (оценочность, имплицитность, эмотивность и т.п.).

Основное различие дискурсивных и текстовых категорий состоит в том, что первые характеризуют коммуникантов, продуцирующих дискурс, вторые – образующийся в результате реализации соответствующего дискурса текст.

Системный, вариативный характер дискурсивной категории отображает сущность речемыслительного процесса, происходящего при реализации соответствующих речевых актов. Поэтому такие категории можно назвать и когнитивно-прагматическими или модусными – такими, которые основываются на интенции и репрезентируются в дискурсе при помощи речевых актов: оценочных, имплицитных, иронических, неискренних, эмотивных, вежливых, несерьезных и т.п. Речевые акты квалифицируются в данном случае не как

иллокутивные типы, а на основании репрезентируемой ими категории, демонстрируя диффузные эффекты: оценочные речевые акты могут быть одновременно и имплицитными, неискренними, несерьезными, имплицитные речевые акты могут быть ироническими, несерьезными, побудительными, любому речевому акту могут сопутствовать эмотивность, вежливость, несерьезность и т.п.

И дискурсивные, и текстовые категории образуют соответствующую категориальную сетку (термин О. Н. Колосовой [2, с. 6]), представляющую собой совокупность различных категорий, которые соотносятся друг с другом через подчинение системе, в данном случае, дискурсу или тексту. Категориальная сетка дискурса / текста помогает рефлексировать его целостность, выявить многообразие дискурсивных / текстовых связей.

Не все выделяемые в литературе текстовые категории вписываются в представленную модель. Так, такие категории, как когезия, когерентность, тема, информативность не имеют дискурсивных соответствий. В этой связи целесообразным представляется различение коммуникативных и стилистических текстовых категорий. Первые демонстрируют корреляцию с соответствующим дискурсом, поскольку относятся к продуцирующим его коммуникантам, осознающим эти категории. Вторые представляют собой жанрово-стилистические параметры текста, выделяемые исследователем безотносительно к деятельности его продуцентов. Их анализ может осуществляться без привлечения дискурсивного контекста.

Напротив, коммуникативные текстовые категории являются дискурсивно релевантными. Их анализ невозможен без анализа всех составляющих дискурсивного контекста, без учета когнитивно-прагматических характеристик текста как продукта соответствующего дискурса.

Литература

1. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий / А.В. Бондарко. – Л. : Наука, 1976. – 255 с. 2. Колосова О.Н. Языковые факты в системе мыслительных категорий / О. Н. Колосова. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 1993. – 100 с.

РЕКЛАМНИЙ СЛОГАН ЯК ЕЛЕМЕНТ РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСУ: ТРАНСЛЯТОЛОГІЧНИЙ ПІДХІД

О. Д. Бикова (Суми)

Актуальні процеси інтернаціоналізації та глобалізації у міжнародному економічному просторі зумовлюють інтенсифікацію ролі реклами, яка, у свою чергу, перетворилася з суто економічного феномену на мультидисциплінарне явище, що вивчається психологією, соціологією, лінгвокультурологією, а також перекладознавчими дисциплінами.

З позицій мовознавства закономірності обігу інформації у рамках комунікативних ситуацій розглядає теорія мовного дискурсу. Провідною ознакою дискурсу є дискурсивний контекст як єдність прагматичного, соціального, когнітивного та інших контекстів, які, у свою чергу, є ізоморфними, взаємопроникаючими і знаходяться у діалектичній єдності [4, с. 35–36].

Рекламний дискурс є різновидом масової комунікації, у якому створюються і розповсюджуються інформативно-образні, експресивно-сугестивні тексти спрямованого та безособового характеру [3, с. 4]. Рекламний дискурс виступає середовищем функціонування рекламного тексту. Останній являє собою складне семіотичне ціле з типовою структурою, основними компонентами якої виступають неймінг бренду, заголовок, основний текст і слоган.

Слоган відображає рекламну концепцію товару і політику компанії-виробника, конденсує когнітивну інформацію про рекламну кампанію та продукт, є стилістично маркованим, апелює до емоцій та орієнтується на узуалізацію. З огляду на цей факт вбачається особливо актуальним виявлення та обґрунтування основних стратегій трансляції рекламних слоганів як елементів рекламного дискурсу.

У зв'язку із залученням реклами до процесів інтеграції в міжнародний культурний і економічний простір, виникає проблема адекватного перекладу та адаптації рекламних слоганів до локальних ринків збуту. Інтернаціоналізація продукту та мінімізація девіацій комунікативного впливу текстів реклами на реципієнтів досягається шляхом уніфікації рекламної кампанії в різних країнах

Сутність перекладу полягає у відтворенні в мові-рецепторі найбільш близького природнього еквіваленту вихідного повідомлення з позицій значення та стилю [5, с. 12]. При перекладі важливо зважати на всі критерії текстуальності, зокрема дотримуватися критерію когерентності текстів оригіналу і перекладу, що виявляється при зіставленні концептуального наповнення їх глибинних структур. Оскільки концепти екстеріоризуються в різних лінгвокультурах неоднаково, часто збереження комунікативного ефекту тексту перекладу передбачає застосування різного роду трансформацій поверхневої структури, що розглядається як відступ від структурного і семантичного паралелізму між вихідним і перекладним текстом на користь їх рівноцінності в плані впливу [2, с. 27].

Так, застосування лексичних трансформацій спостерігається у перекладі слогану з реклами шоколадного батончика Bounty: *A taste of paradise – Райська насолода*. Подане рекламне повідомлення актуалізує низку модусів перцепції, породжуючи багаточленні “синестетичні асоціації”, тобто синтез вражень людини, отриманих різними шляхами чуттєвого пізнання. При цьому метафоричність образу неземної насолоди зберігається через залучення прийомів контекстуальної заміни (*taste – насолода*) та частини мовної транспозиції (*paradise – райський*).

Одним з найрозповсюджених синтаксичних перетворень при перекладі інтернаціональних слоганів є випадки девіації комунікативних типів речень. Так, наприклад, оригінальний слоган рекламної кампанії шоколадного батончика Kit-Kat *Have a break, have a Kit-Kat* мотивує через залучення дієслівних форм наказового способу до дій. Україномовний транслат – *Є пауза, є Kit-Kat* – втрачає таку облігаторність. Натомість за умов збереження паралельної конструкції із застосуванням дієслівних форм дійсного способу спостерігається зміна апелятивного акценту у бік самостійного свідомого вибору.

Адаптація рекламних повідомлень вимагає врахування лінгвокультурних особливостей потенційних реципієнтів для трансформації не лише поверхневої, а й глибинної структури тексту. Наприклад, апеляція до таких концептів, як ЧАС, ЧИСЛО, ЯКІСТЬ, у рекламному дискурсі посилює ефективність реклами через персуазивність числових та статистичних показників.

Релевантною у цьому відношенні вважаємо переклад-адаптацію слогану бренду Mr. Clean: *Mr. Clean will clean your whole house and everything that's in it* – *3 Містер Пронер веселише, прибирати вдвічі швидше*. Помітним у глибинній структурі перекладу є збереження концепту ЧИСТОТА (*clean* – *прибирати*), що є “візитівкою” рекламованого товару. Проте, у той час як вихідний слоган акцентує увагу на універсальності засобу (*whole, everything*), що є важливим для кола реципієнтів оригінальної версії, україномовний варіант концентрує увагу на квантитативно-квалітативних показниках (*прибрати вдвічі швидше*). Таким чином, з урахуванням ціннісних орієнтирів цільової аудиторії відбувається зміщення концептуальних акцентів від результативності прибирання до ідеї спрощення самого цього процесу.

Сучасні рекламисти-маркетологи схильні вважати, що адекватність сприйняття “інтернаціоналізованої” реклами не завжди передбачає міжмовне посередництво. Саме тому однією з популярних тенденцій при створенні міжнародного профілю виробника все частіше стають неперекладені слогани. До такої стратегії вдаються лише всесвітньовідомі гіганти індустрії, чий бренд “говорять самі за себе”: Nike: *Just do it*; Panasonic: *Ideas for life*; Honda: *The Power of Dreams*; Canon: *You can Canon*. Подані приклади не містять складних граматичних конструкцій та лексичних одиниць, що об’єктивує їх влучність та лаконічність.

Аналіз зібраного корпусу англomовних рекламних слоганів та їх україномовних відповідників уможливив визначити три окремі базові стратегії трансляції слоганів: власне переклад (дослівний та трансформаційний), адаптація (модифікація на рівні концептуальних структур) та відмова від перекладу. На сьогоднішній день проблематика інтралінгвальної трансляції текстів рекламного дискурсу та їх складових є валідною для подальших досліджень у таких напрямках, як дослідження проблематики адаптації рекламних повідомлень на матеріалі дистантних мов, лінгвокультурний аналіз феномену ренеймінгу, типологія соціолінгвістичних особливостей елементів рекламного дискурсу тощо.

Література

1. Відеохостинг YouTube [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.youtube.com>.

2. Латышев Л.К. Межъязыковые трансформации как средство достижения переводческой эквивалентности / Л. Латышев // Семантико-синтаксические проблемы теории языка и перевода. – М. : Ин-т языкознания АН СССР, 1986. – 107 с.
3. Медведева Е.В. Рекламная коммуникация / Е.В. Медведева. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 218 с.
4. Шевченко И.С. Дискурс как мыслекоммуникативное образование / И.С. Шевченко, Е.И. Морозова // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. – 2003. – № 586. – С. 33–38.
5. Nida E.A. The Theory and Practice of Translation / E.A. Nida, C.R. Taber. – Leiden : E.J. Brill, 1969. – 197 p.

WAR ЯК ОДИН З КЛЮЧОВИХ КОНЦЕПТІВ У ПРОФЕСІЙНОМУ ДИСКУРСІ Е. ГЕМІНГВЕЯ

Л.Я. Брославська (Харків)

*I always try to write on the principle of the iceberg.
There is seven-eighths of it underwater
for every part that shows
Ernest Hemingway*

Дослідження аспектів антропоцентричності є одним з актуальних питань сучасних когнітивно-лінгвістичних наук. Саме тому у цій роботі ми розглянемо ознаки впливу концепту WAR на професійну журналістську діяльність американського діяча Е. Гемінгвея. “Інституціональний (професійний) дискурс є спеціалізованою клішованою різновидністю комунікації між людьми <...>, які спілкуються у відповідності до певного соціуму” [5, с. 282].

Розпочинаючи репортерську діяльність у газеті “The Kansas City Star”, Е. Гемінгвей дотримується визначених правил репортерського стилю: “пишіть короткими реченнями; перший абзац повинен бути лаконічним; мова має бути сильною; стверджуйте, а не заперечуйте; дотримуйтеся норм лексики; уникайте прикметників, особливо таких пишних, як “чудовий”, “грандіозний”, “величний” [4]. Слід зауважити, що такої манери втілення власного світосприйняття, знаної як літературна “теорія айсберга”, письменник і журналіст дотримується упродовж життя [3], проте зміст більшості його статей має до-

сильну вузьку направленість, яка залежить від соціокультурної атмосфери початку ХХ століття, адже “людина дотримується достатньо витриманих, емпірично підтверджених уявлень про світ, його структури та закономірностей у тій мірі й тих межах, які диктуються сферою прагматично важливого для неї – сферою її діяльнісних інтересів” [8, с. 249].

Світосприйняття Е. Гемінгвея мимоволі формується у подіях тогочасного суспільства, так як досвід людини “органічно включає етнокультурні моделі поведінки, які реалізуються усвідомлено й несвідомо, знаходять різноманітне вираження у мові та кристалізуються в значенні та внутрішній формі змістовних одиниць мови” [5, с. 279]. Будь-яке вживання мови є “частиною безперервного потоку людського досвіду <...>, він убирає в себе та відображає <...> комунікативні наміри автора, завжди багатозначні, суперечливі й ніколи не зрозумілі до кінця йому самому, взаємовідносини автора та його безпосередніх і потенційних, близьких і віддалених, відомих йому й уявних адресатів <...>” [2, с. 9].

Значна кількість статей Е. Гемінгвея присвячена воєнній тематиці (тематиці боротьби, протистояння, встановлення справедливості тощо): “*Battle of Raid Squads*” (1918), “*Mix War, Art and Dancing*” (1918), “*Tchitcherin Wants Japan Excluded*” (1922) та інші, яка репрезентується через лексеми, що, у тій чи іншій мірі, вербалізують один із ключових концептів ХХ століття, концепт WAR [1, с. 9]. Концепт, що є ментальним утворенням у результаті важливих подій для суспільства та людини, зокрема, “не маючи чітких меж і жорсткої структури, існує в їх ментальному світі як деяка ідея, що захоплює масову свідомість у рамках визначеної етно-лінгвокультури на певному етапі її соціоісторичного розвитку” [10, с. 58]. Концепт має “власне ім’я у мові та відображає культурно-національне уявлення людини про світ” [7, с. 4]. Концептосферою є певна ментальна структура концептів, які існують “у вигляді розумових картинок, схем, понять, фреймів, сценаріїв, гештальтів (більш-менш складних комплексних образів зовнішнього світу), абстрактних сутностей, що узагальнюють різноманітні ознаки зовнішнього світу [9, с. 33]. Концептосфера людини або народу втілена у лексемах, що складають семантичний простір мови.

Концепт WAR “найчастіше представлений абстрактним ім’ям,

яке відрізняється великою кількістю номінацій і неоднорідністю екстенціоналу. За ним стоять іменники (війна, мир, перемога, поразка, воїн, битва), прикметники (войовничий, ворожий, мирний, смертельний) і дієслова (воювати, битися, перемогти, померти, вижити)” [1, с. 9]. WAR є “багаторівневою, розгалуженою системою, що має в основі слотовий характер (“бій”, “зброя”, “армія”, “перемога”); кожен зі слотів являє собою мікроконцепт зі своєю польовою структурою” [6, с. 10].

У свою чергу, ми розглядаємо WAR як лінгвокультурний концепт, який може вербалізуватися за допомогою тридцяти восьми лексем (згідно зі словниками англійської мови), іменем концепту є *war*. Усі ці лексеми утворюють лексико-семантичне поле (ЛСП) номінацій концепту WAR (*battle, fight, clash, competition* та інші). Це ЛСП включає гіперсеми та семи (*death, wound, injury, soldier, pain, fear* та інші), які, у тій чи іншій мірі, передають ознаки WAR, ознаки протистояння.

У статті Е. Гемінгвея “*Battle of Raid Squads*” концепт WAR об’єктивується за рахунок номінацій, що є різними частинами мови. Так, експліцитний зміст ворожої атмосфери, протистояння втілюють лексеми, що номінують:

- суб’єктів описаної репортером ситуації: *revenue officers, city detectives, government officers, a police commissioner, a district attorney, a prosecutor, a prosecuting attorney, government agents, a notorious police character, federal officials, government men, a gang of drug addicts, drug users, drug peddlers, a member of the gang, “dope heads”*;

- об’єкти діяльності: *drugs, narcotics, heroin, morphine, opium, “hop smoking” outfits*;

- засоби діяльності: *a revolver, a gun, a search warrant, evidence*;

- види діяльності: *a revolver battle, a rendezvous for drug users, a feud, investigation, shooting, trailing, to raid a house, to convict, to arrest, to fire, to reload a gun, to exchange shots*;

- місце діяльності: *a nest of drug addicts, a house, a garage*;

- результати діяльності: *injury, bullet holes, arrest, finding drugs* [1].

Е. Гемінгвей у статті “*Battle of Raid Squads*” інтерпретує концепт WAR імпліцитно, виводячи на вербальну поверхню лише його неве-

лику частину – концепт-фрейм BATTLE, який, у свою чергу, є раціональною частинкою концепту-гештальда WAR – цілісного образу війни, що нерозривно поєднає її динамічні та статичні аспекти, чуттєві та раціональні елементи.

Немає сумніву, що концепт WAR є частиною світосприйняття Е. Гемінгвея, що втілюється у його професійному дискурсі. Концепт WAR об’єктивується за допомогою різнорівневих лексем, які несуть у собі імпліцитний та експліцитний зміст, – це ще раз доводить “теорію айсберга”, притаманну дискурсу журналіста та письменника.

Литература

1. Венедиктова Л.Н. Концепт “ВОЙНА” в языковой картине мира (сопоставительное исследование на материале английского и русского языков) : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.20 / Л.Н. Венедиктова. – Тюмень, 2004. – 20 с.
2. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б.М. Гаспаров. – М. : Нов. лит. обозрение, 1996. – 352 с.
3. Довганчина Р.Г. Відтворення ідіостилю Ернеста Гемінгвея в українських та російських перекладах : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.16 / Р.Г. Довганчина. – Київ, 2011. – 221 с.
4. Как написать хорошую статью, вам расскажет Эрнест Хемингуэй [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ielt.mk.ua/stati/prodvizhenie-statyami/kak-napisat-khoroshuyu-statyu-vam-rasskazhet-ernest-kheminguej>
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
6. Крячко В.Б. Концептосфера “ВОЙНА” в английской и русской лингвокультурах : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.20 // В.Б. Крячко. – Волгоград, 2007. – 21 с.
7. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие / В.А. Маслова. – Мн. : ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
8. Никитин М.В. Основания когнитивной семантики : учеб. пособие / М.В. Никитин. – СПб. : РГПУ имени А.И. Герцена, 2003. – 277 с.
9. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 314, [6] с.
10. Приходько А.Н. Концепты и концептсферы / А.Н. Приходько. – Днепропетровск : Белая Е.А., 2013. – 307 с.

Список джерел ілюстративного матеріалу

1. Hemingway’s articles for the Kansas City Star [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://en.wikisource.org/wiki/Hemingway's_articles_for_the_Kansas_City_Star

FROM LANGUAGE STUDIES TO THE LANGUAGE CLASSROOM

O.V. Vakhovskaya (Cherkassy)

This paper addresses a practical problem of the failure of secondary and non-linguistic higher schools in Ukraine to successfully teach foreign languages, English in particular. The proposed solution to this problem is reference to cognitive linguistics whose implications to teaching methods can make the language classroom in Ukraine an efficient place to develop language competence and achieve an adequate level of language proficiency, as long as the focus of the class is on providing comprehensible input for acquisition.

Command of at least one foreign language has come to be taken for granted throughout Europe, and raising the level of foreign language competence must also set priorities for education in Ukraine. The UEFA Euro 2012 Football Championship proved Ukrainians' foreign language competence to be insufficient for a successful dialogue between Ukraine and the world. If asked of the reasons of this disadvantage, language teachers will not hesitate to situate the problem within methodologies of foreign language teaching. And they will agree with the claim that "theoretical research must be the primary input into deciding on methods in language teaching" [6]. Indeed, success of language teaching practices relies essentially on theoretical insights into a variety of factors related to language acquisition. In reality, however, theoreticians and teachers often fail to interact. The reasons for this lack of communication may stem from the failure of research to supply relevant input in the past, which was, for example, the case with direct application of behaviorist principles in the classroom within the audio-lingual method, or applied transformational grammar featuring teaching materials directly based on discoveries in theoretical syntax.

Contemporary foreign language acquisition theory is represented by a number of authoritative hypotheses [7; 8; 9] whose extensive pedagogical implications can be summarized as follows:

1. Major pedagogical efforts need to be devoted to encouraging language acquisition, a subconscious process identical to the way children acquire competence in their first language. Acquisition of any foreign language for all acquirers in all environments pertains to a definite succession of stages.

This uniformity results from operation of the human mind/brain as of a natural information processing system.

2. In order to acquire a language, two conditions are necessary. The first is comprehensible language input a little beyond current competence of the acquirer, and second, a weak affective filter for the input to enter the part of the brain responsible for language acquisition. Length of exposure to a foreign language, age of the acquirer, and some other variables may relate to foreign language success but in all cases in which language acquisition is attained, analysis will reveal that the relationship can be explained in terms of comprehensible input and filter level.

Positing comprehensibility as a crucial requirement for optimal input for acquisition makes the question of how to aid comprehension a very central one for foreign language pedagogy. Indeed, the comprehension requirement suggests that the main function of the foreign language teacher is to make input comprehensible. The advisability of effective information arrangement in language teaching came into the focus of Ukrainian educators' attention due to the works of Ukrainian scholar Leonid Chernovatyi [5]. However, to the best of our knowledge, the claim failed to give impetus to any systematic pedagogical research that would seek interdisciplinary input to help in exposing gaps and seeing what methods actually work for the language classroom to acquire comprehensible input optimal for data acquisition.

Viewed from the present-day perspective, the problem of insufficient potential of the Ukrainian language classroom can be solved if teaching methods are developed with reference to cognitive linguistics. Cognitive linguistics, given that fundamental properties and design features of the human mind surface most conspicuously in language, provides amplest and most compelling evidence for patterns of conceptualization formally represented with the help of various conceptual modeling techniques. Authoritative cognitive linguistics schools of Frame Semantics, Cognitive Grammar, Construction Grammar, Blending, and others have produced a diverse range of complementary, overlapping theories of the relation of language meanings to thought. Cognitive linguistic research can, particularly, be applied in lexicography, translation, and methods of language teaching.

In Ukraine, applied aspects of cognitive linguistic research are exposed by linguists at Bohdan Khmelnytsky National University in Cherkasy. Within

this school, Professor Svitlana Zhabotynska's studies of linguistic meanings and forms have hardened into a coherent and comprehensive methodology of conceptual modeling applicable for processing linguistic and non-linguistic information (see, among others, [1; 2]). In lexicography, the information processing techniques are employed in data arrangement in various thesauruses compiled at the English Philology Department. An English-Ukrainian-Russian Thesaurus of Academic Clichés, for example, includes over 5,000 scholarly clichés that will help Ukrainian and Russian scholars pen their writings in academic English and introduce themselves internationally. Recently, the methodology has been piloted into university teaching as a tool to efficiently structure constantly expanding educational information in a particular professional field [3; 4].

Adaptability for wide educational needs lends plausibility to an assumption that the conceptual modeling techniques can be successfully imported into foreign language teaching. Retooled and combined with traditional approaches, they will open perspectives to supplement and improve existing teaching methods, which should enhance learning of a foreign language, primarily English, and increase the role and potential of the language classroom.

References

1. Жаботинская С.А. Имя как текст: концептуальная сеть лексического значения / С.А. Жаботинская // Когниция, коммуникация, дискурс. – 2013. – № 6. – С. 47–76.
2. Жаботинская С.А. Сетевая семантика: теория и практика / С.А. Жаботинская // Когнитивная лингвистика: итоги, перспективы: Всероссийская научная конференция, Тамбов, 11–12 апреля 2013 г. – Тамбов, 2013. – С. 381–382.
3. Жаботинская С.А. Структурирование информации при изучении тем на занятиях по иностранному языку / С.А. Жаботинская, С.Г. Задворная // Иностранные языки в высшей школе. – 2012. – № 4 (23). – С. 5–11.
4. Задворна С.Г. Підготовка студентів немовних спеціальностей до структурвання навчальної інформації засобами концептуального моделювання : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04 / Задворна Світлана Геннадіївна. – Черкаси, 2013. – 264 с.
5. Черноватый Л.Н. Психолингвистические основы теории педагогической грамматики / Л.Н. Черноватый. – Харьков : Основа, 1992. – 244 с.
6. Dirven R. Pedagogical Grammar / R. Dirven // Language Teaching. – 1990. – № 23 (1). – P. 1–18.

7. Ellis R. Language Teaching Research and Language Pedagogy / R. Ellis. – Oxford, Cambridge (Mass.) : Blackwell Publishers, 2012. – 392 p.
8. Krashen S. Principles and Practice in Second Language Acquisition / S. Krashen. – Los Angeles, CA : University of Southern California, 2009. – 202 p.
9. Krashen S. Explorations in Language Acquisition and Use / S. Krashen. – Portsmouth, NH : Heinemann, 2003. – 112 p.

ГЕНДЕРНЫЕ КОГНИТИВНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В ПЕЧАТНЫХ СМИ

С.К. Гаспарян, А.Т. Князян (Ереван)

В последние десятилетия XX века в лингвистической науке происходили значительные изменения: поворот в сторону функционализма, попытка осмыслить язык как важнейший инструмент категоризации мира, и отражение когнитивной деятельности человека. Большое место в развитии лингвистики конца прошлого века и начала настоящего занимают корпусные исследования, имеющие непосредственное отношение к изучению дискурса. Задачей этого направления было описать все возможные лингвистические данные языка в его разных стилях и регистрах, с регистрацией всех данных разных лингвистических разделов.

Использование корпусного подхода к анализу дискурса, и его объединение с когнитивным подходом может дать весьма плодотворные результаты для понимания того, как строится речь. Введение термина когнитивный в сферу современных исследований важно прежде всего в том смысле, что оно отвлекает исследователей от структурного, механического подхода и раскрывает широкое поле для применения функциональных подходов к предмету исследования. Действительно, если речь идет об адекватном восприятии и понимании сказанного и написанного, исследователь не может ограничиваться изучением лишь формальных особенностей языковых единиц.

Когнитивный подход к пониманию стереотипов позволяет по-новому взглянуть на гендерные различия [4]. Гендерные знания (представления о том, что значит быть мужчиной и женщиной в данной культуре) являются частью когнитивной среды. При этом, если

учесть, что гендер концептуализируется как набор мнений, мы получаем более гибкую модель для рассмотрения отношений между гендером и вербальной деятельностью коммуникантов.

В настоящий момент развитие гендерных исследований приобретает все более масштабный характер. Предметом гендерных исследований становятся существующие в данном обществе представления о различиях между мужчинами и женщинами, а точнее – представления об особенностях мужчин и женщин, их отличительных чертах. Именно эти представления и получили обозначение “маскулинности” и “феминности”. Гендерные исследования занимаются, таким образом, определенными стереотипами восприятия людей и межличностных отношений, стереотипами формирования собственной экспрессивной модели поведения и оценки, стереотипами конструирования идеала – с точки зрения принадлежности к определенному полу [3].

Сильнейшим фактором формирования общественного сознания являются средства массовой коммуникации [1]. Они закрепляют в общественном сознании определенные понятия и стереотипы. В современном мире темп жизни заметно увеличился, а поток информации возрос, поэтому стереотипы играют важную роль в процессе функционирования социума и человека, потому что, прежде всего, они способствуют пониманию всего происходящего в мире и вокруг человека.

Читая прессу на разных языках, можно обнаружить многочисленные примеры когнитивных стереотипов. Под когнитивными стереотипами понимаются наиболее стандартные представления, связанные с употреблением тех или иных клише, цитат, идиом, названий, знакомых носителям данного языка и характерных для данного национального дискурса. Они ассоциируются с привычным контекстом их употребления, и применение их к другим ситуациям, а также нарушение устойчивых сочетаний в них меняет стереотипы, сложившиеся в ментальных представлениях носителей языка.

Аналізу репрезентацій гендера в средствах массовой информации всегда уделялось значительное внимание. СМИ во многом определяют направление модификации когнитивных структур, способствуя закреплению, ослаблению или замещению уже существующих структур и формированию совершенно новых.

Если сравнить женский и мужской образ в прессе, то получится следующая картина. В статьях о мужчинах преобладают такие лексемы как – *strong-willed, proud, villain, courageous, firm, bold, arrogant, boastful, broad-shouldered, self-confident, handsome, boring* и т.д. Особое внимание уделяется физическим качествам, патриотизму, финансовой стороне. Эти аспекты во все времена оставались мужскими. Мужской образ связан с авторитетностью и активностью, эффективностью. Мужчины представлены в деловом, формальном или неформальном облике.

Относительно женщин, наблюдается значительное уменьшение описания физических качеств. Наоборот появляется описание внешности, уделяется внимание *красоте, семейному положению*. Когда говорят о женщине, ее называют *beautiful, attractive, charming, slender, slim, awkward, capricious, coquette, talkative, foolish, silly, stupid, ugly, slutty* и т.д. Так же почти в каждой статье о женщине имеется описание чувств и эмоций. Это подтверждает тот стереотип, что на протяжении времен женщина воспринимается как мать, хранительница домашнего очага, хрупкая и нежная, и порой очень сентиментальная. Типичный женский образ включает ряд черт связанных с пассивностью, излишней эмоциональностью, с социальными и коммуникационными умениями.

С течением времени уклад нашей жизни меняется, и женщины все чаще становятся наравне с мужчинами. Слабый пол занимается мужской работой, носит мужскую одежду и даже заимствует многие типично “мужские” привычки. Но как бы ни влиял на нас прогресс, в сознании любого человека женщина всегда остается женщиной, со своими слабыми сторонами. Не зря сложился стереотип о женщине как слабый пол. Стереотипы закладываются в нас еще с детского возраста и преследуют нас всю жизнь, и именно на них строится наше восприятие окружающего нас мира.

Сегодня, в современном мире, темп жизни заметно увеличился, а поток информации возрос, поэтому стереотипы имеют большое значение для нормального функционирования социума и человека в нем, ибо, прежде всего, они выполняют функцию “экономии мышления”, содействуют пониманию происходящих процессов в мире и вокруг человека, а также принятию необходимых решений. Роль их в коммуникационных процессах вообще крайне велика: они закрепляют

информацию об однородных явлениях, фактах, предметах, процессах, людях и т.п.; позволяют людям обмениваться информацией, понимать друг друга, участвовать в совместной деятельности, вырабатывать общие взгляды, одинаковую ценностную ориентацию, единое мировоззрение [2].

Таким образом, гендерный когнитивный стереотип представляет собой информацию, которая передает лишь обобщенный образ определенного явления или объекта.

Литература

1. Баранов А.Н. Аргументация как языковой и когнитивный феномен / А.Н. Баранов // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. – М. : Наука, 1990. – С. 40–52.
2. Гриценко Е.С. Гендер и категоризация в социокультурной практике / Е.С. Гриценко // Женщина и мужчина в современном обществе ; под ред. Л.Э. Семеновой. – Н. Новгород : МГЭИ (Нижегородский филиал), 2004(а). – С. 5–18.
3. Горошко Е.И. Гендерные исследования в лингвистике сегодня / Е.И. Горошко, А.В. Кирилина // Гендерные исследования. – № 2. – Харьков, 1999. – С. 234–241.
4. Quasthoff U.M. The uses of stereotype in everyday argument / U.M. Quasthoff // JPr 1978. – V. 2. – P. L–48.

СТАТУС МОРФЕМНЫХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ НЕГАЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В.А. Дорда, М.В. Пономаренко (Сумы)

Проблема отрицания являет собой одну из основных категорий философии и логики. Термин “отрицание” ввёл в философию Гегель, который считал, что в основе отрицания лежит развитие идеи, мысли [2, с. 45].

Отрицание – это не прямое отражение действительности и ее связей, а способ нашего познания, основанного на контрасте с исходными положительными фактами. Являясь универсальной категорией языка со сложной и многоаспектной семантикой и разнообразным арсеналом средств выражения, отрицание получает отдельное толкование в свете каждого нового направления языкознания.

Негация – одна из универсальных, фундаментальных категорий языка, которая маркируется различными способами: эксплицитно (при наличии специальных языковых единиц) и имплицитно (скрыто).

Морфемные средства выражения негации относятся к эксплицитному отрицанию. На материале английской художественной литературы были проанализированы аффиксы английского языка, которые имеют негативное значение. Объектом исследования является негация, предметом – её морфемные средства выражения.

Актуальность данной темы заключается в том, что отрицание как многогранное явление требует глубокого и таксономического осмысления с целью делакунизации белых пятен.

В английском языке отрицательное значение маркируется грамматическими (*did not read*) [1, с. 59], лексическо-грамматическими (*nobody, no one, nothing, never, nowhere*) и морфологическими средствами (*un -, in -, im -, ir-, non, -ess*).

К морфемным средствам выражения негации относится аффиксация, которая представлена префиксацией и суффиксацией. В английском языке аффиксы с точки зрения происхождения являются неоднородными: среди них есть аффиксы германского происхождения (*un-*), заимствованные из романских языков (*dis-, de-*), греческого происхождения (*anti-*), а также аффиксы, которые появились в английском языке в результате переосмысления морфологической структуры заимствованных слов (*in-*).

В языке обособляется группа аффиксов: *un-, in-, im-, ir-, non-, -less*, которые образуют слова с противоположным (отрицательным) значением. Например, ...*the unassuming modernity of the Texaco station* [3, с. 12]. ...*when the promising veins paled into the worthless rock* [3, с. 13].

Негативные аффиксы образуют новые части речи и модифицируют семантику однокорневых слов. Например, *It was impossible to explain the sense of piece she felt there* [3, с. 33]. *She was sick of cuddling a lifeless pillow* [3, с. 39]. *They get up to mischief at this time of night* [3, с. 19]. *Sidonie was assistant to the assistant make-up artist or smth. equally insignificant* [3, с. 62].

Префикс *un-* – наиболее часто применяется для обозначения полярного отрицания, выраженного в корне. Например, *The birth announcement arrived unceremoniously by mail* [3, с. 27]. *An*

unexpected breeze played across the hillside [3, с. 35].

Так же к негативным префиксам можно отнести такие префиксы, как *dis -*, *mis -*. Например, *The kid quirked his lip up on one side in a disdainful expression* [3, с. 30]. Или: ...because he *didn't* want *Sidonie to have any misconception* [3, с. 64].

Префикс *non-* употребляется не слишком часто. Этот префикс происходит непосредственно от частицы *no* и может заменять в некоторых случаях другие префиксы (обычно *un-*): *The boy sprawled nonchalantly over the lounge* [3, с. 56].

Anti- – префикс греческого происхождения, это синоним префикса *counter*. В русском языке префикс *anti-* соответствуют префиксы *противо-*, *анти-*: *antitank – противотанковый*, *antiaircraft – противовоздушный*, *antifascist – антифашист*.

De- – префикс романского происхождения (франц.) оформляет глагольные и именные основы, оказывает значение обратного действия *decode – расшифровать*; *deform – деформировать*, или значение движения назад, лишение чего-либо: *debar – лишить права адвокатской практики*.

Суффиксы *-less*, *-free* наиболее часто встречаются при образовании прилагательных с негативной коннотацией. Например, *The sky was completely cloudless* [3, с. 32]. Или в словах *carefree*, *lowfree*, *moneyfree*.

Интересным представляется феномен семантизации позитивного значения слов с негативными аффиксами. Главная роль в данной семантизации принадлежит корневой морфеме. Например, *Spencer Scott smiled disarmingly* [3, с. 3].

При именах прилагательных и именах существительных чаще всего употребляются префиксы *dis-*, *mis-*, *non-*, *un-* и его варианты *in-*, *im-*, *il-*, *ir-* [4, с. 96].

Морфемные средства выражения негации являются фреквентивными в английском языке. Больше половины исследуемых слов содержат негативные аффиксы. Перспективным представляется корпусное исследование тенденций морфемных негативных единиц в дистантных языках.

Литература

1. Берман И.М. Грамматика английского языка / И.М. Берман. – М. : Высш. шк, 1994. – 288 с.

2. Гайденко П.П. История новейшей европейской философии в связи с наукой Диалектика Гегеля. Всемогущество отрицания / П.П. Гайденко. – [изд. 2-ое, испр.]. – М., 2009. – 376 с.
3. Hayden Torey. Innocent foxes / T. Hayden. – London : Clays Ltd., 2011. – 347 p.
4. Murphy R. English grammar in Use / R. Murphy. – Cambridge : Cambridge University Press, 1985. – 328 p.

ПРАГМАТИЧНІ ПОТЕНЦІЇ КВАНТИТАТИВІВ У ПУБЛІЦИСТИЧНОМУ ДИСКУРСІ

А.В. Зінченко (Суми)

З огляду на принцип антропоцентричності у дослідженнях наукових студій сьогодення сучасні лінгвістичні розвідки відмічені тенденцією філологів до поліаспектного аналізу лінгвістичної особистості як основного чинника комунікативного підходу до мовознавчих проблем. У ракурсі досліджень учених опинилися аспекти комунікативного змісту, компонентів та типів мовленнєвих актів, їх інтенціональність, що обумовило якісно інший підхід до філологічних розвідок та категорії квантитативності зокрема.

Історія розвитку лінгвістичної думки про кількісні відношення включає у себе доробки учених-представників різних дослідницьких шкіл В. В. Акуленка, С. В. Баранової, О. І. Єгорової, С. А. Жаботинської, І. К. Кобякової, Т. П. Ломтева, А. Є. Супруна, О. О. Холодовича, Л. Д. Чеснокової, С. О. Швачко. Утім, у фокусі комунікативного підходу лакунарним залишається питання актуалізації кількості у різних типах дискурсу.

Актуальність представленого дослідження обумовлена спробами лінгвістів до пояснення процесів, які проходять у когніції людини через їх мовне представлення. **Об'єктом** виступають англійськомовні екстеріоризатори кількості, а **предметом** – прагматичні потенції квантитативів до реалізації мовленнєвого впливу на когніцію цільової аудиторії.

Сучасне суспільство відзначається активним розширенням нової сфери – масової комунікації. Прагматичне використання та модифікування мови засобів інформації як інструменту соціального впливу

обумовив становлення нової парадигми філологічних досліджень – медіалінгвістики, у фокус якої входять питання лінгвалізації публіцистичного дискурсу (Добросклонська Т.Г., Бекетова С.В., Пименова Г.В., Чудинов А.П.)

Матеріалом нашого дослідження слугувала публіцистична аналітична стаття. Жанр газетної статті акумулює у собі прагматику публіцистичного дискурсу – формування системи поглядів та соціальної поведінки реципієнтів, чим і пояснюється обрання цього жанру для дослідження [1, с. 12]. Як засіб інтерпретації та репрезентації реальності, та інструмент впливу на соціальні процеси [3, с. 220], газетна стаття користується широким спектром вербальних та невербальних засобів комунікації.

Квантитативні лексеми як актуалізатори мовної категорії кількості, вступаючи у комбінаторні відношення із іншими словами, реалізують прагматичний заряд повідомлення. Вдале залучення та організація лексичних засобів у тексті повідомлення є запорукою успішної реалізації маніпулятивних стратегій публіцистичного дискурсу.

У мові квантитативні одиниці виконують квантитативну функцію (*For **four** years, Simon traveled the world documenting the impact ... and **15** other “chapters” that are almost equally serious and sobering*), дименціональну (*Even the catalogue of the exhibition, an enormous black **volume**, seems to wink at the very misery it contains*), номінативну (*Simon’s rabbits make the banality of evil palpable, the way in which we learn to look past the **humanity** in an image*), експресивну (*... a conceptual smirk hidden somewhere in its **reams** of material ...*) [2, с. 33]. Квантитативи завдяки своїй поліфункціональності є яскравим прикладом реалізацій різних функцій у мові та мовленні. Зорієнтованість публіцистичного дискурсу на реципієнта визначає типовий арсенал мовних засобів комунікативного впливу, який включає у себе як нейтральну так і конотативно забарвлену лексику.

Прерогативою статті як жанру публіцистичного дискурсу є донесення точної інформації з апеляцією до фактологічної бази повідомлення: *In **1859**, her text panels says, “**twenty-four** European rabbits were introduced to Australia” ... // ... Its **773** pages are contained in a heavy, official-looking cover ... // ... or in one case a deadly blood*

feud between two Brazilian families ... [4]. Використання числівників у квантитативній функції є прикладом уживання стилістично нейтральних квантитативних одиниць, та виступає фактичним підтвердженням поданої у статті інформації.

Характерною особливістю публіцистичної статті є орієнтація на масового реципієнта. Використання прономінальних вербалізаторів кількості у формі множини актуалізує інтенцію автора статті Ф. Кеннікотта досягти ефекту “масовості” та єднання із читачем повідомлення: *The rabbits are adorable, but environmentalists tell us they are destroying the ecosystem ... // When religion fails us ..., we tend to focus on preserving and helping those closest to us* [4].

Граматична семантика множинності актуалізує намір автора наголосити на наявності у великій кількості актуальних питань сучасності в описуваній ним роботі “A Living Man Declared Dead and Other Chapters I-XVIII” художниці Тарін Саймон: *As she lines up galleries of orphans in Ukraine and albinos in Tanzania... // Simon has photographed dozens of Australian rabbits ... // Simon’s chapters, ... emerge as remarkably profound meditations on ... moral impulses we honor ...* [4].

Текст розглянутої статті фіксує дієслівні лексеми із значенням тенденції до зменшення, що реалізує апеляцію автора до наскрізної теми винищення живих істот, яка звучить у роботі фотохудожниці: ... *thus reduce or eliminate the non-native rabbit population ...* [4].

Використання ступенів порівняння ад’єктивних одиниць у поданій статті Ф. Кеннікотта об’єктивує інтенцію автора до посилення ознаки об’єкта, актуалізованої прикметниками: *One of the most disturbing things about Simon’s archives is their obvious affinity with some of the most ugly photographic projects ... // Her work insists on a more fundamentally rational relationship to photographs ... // ... we must resist their appeal to our more tender sympathies* [4].

Аналіз стилістично нейтральних лексичних одиниць із квантитативною семантикою, використаних у тексті публіцистичної статті, доводить, що сема кількості, інгерентна лексемам різного частини-мовного подання, виступає дієвим засобом реалізації комунікативного впливу на реципієнта.

Література

1. Бекетова С.В. Специфика аналитической статьи в газетном дискурсе / С.В. Бекетова // Университетские чтения. – Пятигорск : ПГЛУ, 2008. – С. 11–16.
2. Єгорова О.І. Лінгвопрагматична актуалізація кількості в текстах політичного дискурсу (на матеріалі інавгураційних промов Б. Обама) / О.І. Єгорова, А.В. Зінченко // Філологічні трактати. – 2013. – Т. 5, № 2. – С. 32–37.
3. Пименова Г.В. К вопросу определения основных характеристик медиатекста как основной (базовой) единицы е-медиалингвистики / Г.В. Пименова // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2009. – № 96. – С. 218–221.
4. Kennicott Ph. A Moral Examination [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.pulitzer.org/files/2013/criticism/01kennicott.pdf>.

ДИСКУРС В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

И.В. Змиёва (Харьков)

Дискурс представляет собой явление промежуточного порядка между речью, общением, языковым поведением, с одной стороны, и фиксируемым текстом, остающимся в “сухом остатке” общения, с другой стороны, <...> это конкретизация речи в различных модулях человеческого существования [1, с. 231].

Представители английской школы переводоведения сводят понимание дискурса к коммуникативной деятельности людей, т.е. не ограничиваются лингвистическими средствами, а включают такие прагматические аспекты как намерения автора, восприятие высказываний реципиентами, культурные аспекты.

Таким образом, под дискурсом понимают совокупность текстов, обычаев, правил, норм определенного языка и культуры. Перевод выступает посредником между двумя языками, в процессе перевода формируется переводческий дискурс, имеющий признаки дискурсов языка оригинала и языка перевода. В такой ситуации именно переводчик решает, какому дискурсу отдать предпочтение.

С другой стороны, немецкая школа считает, что перевод – это коммуникация, реализованная в двух языках, а дискурс выступает имплицитным фактором перевода. Именно благодаря переводу реципиент знакомится не только с текстом оригинала, но с культурой, правилами, нормами, которым следует язык оригинала.

Следуя данным определениям дискурса, переводчик, приступая к переводу должен ответить на три вопроса: “Какова функция текста перевода?”, “Кто является реципиентом текста перевода?”, “Какие переводческие трансформации необходимы для того, чтобы текст перевода выполнил свою функцию?”

Безусловно, чистые типы текстов встречаются нечасто, информативные могут включать экспрессивные или апелятивные моменты, но всегда тот или иной фактор будет доминировать. Функция текста определяет потенциальных реципиентов с учетом профессиональных навыков и возрастных групп. Только оба фактора определяют структуру, семантику, лексику, грамматику и стиль перевода, а, следовательно, выбор соответствующий переводческих стратегий.

Неверный ответ на эти вопросы приводит к возникновению переводческих ошибок, которые не сводятся исключительно к ошибкам языкового характера, поскольку переводчик является не только специалистом по языку, но прежде всего специалистом в своей профессии.

Таким образом, выделяют “прагматические ошибки”, то есть неверное определение прагматики текста перевода, “культурные ошибки”, которые представляют собой несоответствующую адаптацию текста к существующим нормам и правилам в языке перевода, а также “формальные ошибки”, которые связаны с несоблюдением формальных требований к графическому и структурному оформлению текста, что сказывается на его восприятии. Только в последнюю очередь следует говорить о собственно языковых ошибках, которые, преимущественно, являются следствием трех вышеупомянутых типов ошибок.

Очевидно, что при коммуникативном подходе к переводу, учитывая тот факт, что перевод является средством межъязыковой коммуникации, должны учитываться и процесс и результат перевода, и вся совокупность лингвистических и экстралингвистических факторов, определяющих возможность и характер общения между людьми, говорящими на разных языках.

Переводчик по определению двуязычен и знание двух языков определяет возможность переводческой деятельности. Однако профессиональная компетенция переводчика не сводится к владению двумя языками. Билингвизм профессионального переводчика – это

не только знание двух языков, но и умение находить и соотносить коммуникативно равноценные средства этих языков, а также знание принципов, методов и приёмов, создающих такое умение. Одним из основных вопросов переводческой компетенции является отбор и оценка знаний и умений.

Компетенция – это сознательное или интуитивное знание языковой системы. Реализация языковой компетенции сопряжена с психологическими и социокультурными аспектами. Она требует коммуникативной компетенции, соответствующей потребностям применения иностранного языка, мотивации, интересам и творческим коммуникативным стратегиям.

Возвращаясь к переводческим ошибкам, следует сказать, что проанализированные типы играют существенную роль, однако языковые ошибки связаны не с недостаточными специализированными занятиями, а с неполным учетом прагматики как текста оригинала, так и текста перевода. В зависимости от жанра либо типа текста, на передний план будут выходить различные параметры, которые переводчику необходимо учитывать.

Литература

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.

СРЕДСТВА АКТУАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ КОНЦЕПТА *ТАЙНА* В ДЕТЕКТИВНОМ ДИСКУРСЕ

А.Б. Калюжная (Харьков)

Дискурсивная профилизация отдельного концепта является свидетельством его многогранности и потенциальной неисчерпаемости свойств [4, с. 282]. В дискурсе расширяется и углубляется структура концепта, актуализируются скрытые свойства, происходит становление метафорического профиля, поскольку дискурс является средой существования и инструментом объективации концептов [4, с. 272]. Детективный дискурс строится по определенному шаб-

лону, обладает тематическим, стилистическим и структурным единством [3, с. 183].

Концепт ТАЙНА определяет развитие дискурсного пространства детектива [1, с. 11], является основной идеей дискурса, каркасом его ментально-информационного “портрета” [4, с. 255]. Как базовый концепт детектива и системообразующая константа детективного дискурса концепт ТАЙНА реализуется с регулярной устойчивостью [4, с. 307] в данном дискурсе, и как любой концепт представляет собой единицу структурированного знания, состоит из концептуальных признаков, имеет определенную, но не жесткую организацию. Дискурс же дает возможность исследовать вариативную составляющую концепта, которая образуется при функционировании концепта в разных типах вербальной коммуникации, в различных речевых жанрах и идиостилиях [4, с. 273]. На уровне когнитивных структур в данном случае происходит профилирование определенных признаков, что соотносится с высвечиванием или фокусировкой, связанными с охватом информации, которая объективирована знаком [2, с. 6].

Действие детектива основано на процессе раскрытия тайны, то есть получения ответа на вопрос, который возникает из-за отсутствия информации, что приводит к непониманию, вызывает когнитивные эмоции, и действия, направленные на получение необходимой информации. Таким образом, высвеченными являются такие признаки концепта ТАЙНА как ‘неопределенность’, ‘необъяснимость’, ‘непонятность’, ‘неизвестность’, ‘сложность для понимания’, ‘запутанность’.

В детективном дискурсе реализация концепта ТАЙНА происходит с помощью первичной и вторичной номинации. К средствам первичной номинации концепта ТАЙНА относим:

- лексемы *mystery, secret, riddle, puzzle, enigma*, например: *This is indeed a mystery,*” I remarked. “What do you imagine that it means? /A. Conan Doyle ‘A Scandal in Bohemia’/
- атрибутивные сочетания *mysterious murder, puzzling problem, unknown murderer, unaccountable affair, unexplained deaths, incomprehensible murder case* и др., которые объективируют признаки ‘неопределенность’, ‘необъяснимость’, ‘непонятность’, ‘неизвестность’, ‘сложность для понимания’, ‘запутанность’ и т.п. Например:

I was puzzling over this unaccountable affair at the Victory Ball

/A. Christie 'The Affair at the Victory Ball'/

Подобные концептуальные признаки могут быть выражены и другими лексическими и синтаксическими средствами:

- глаголом *misunderstand* или другими аналогичными средствами: *Now, was it accident or suicide? The gentleman looked rather puzzled. 'I'm afraid I don't quite understand'*

/A. Christie 'The Affair at the Victory Ball'/

- What- и Why-questions, уточнениями с помощью различных конструкций с глаголом *mean*, а также комбинациями этих средств: *Oh, M. Poirot, I'm dreadfully afraid I'm being poisoned.'*

~ 'What makes you think so?' /A. Christie 'The Cornish Mystery'/
And why should he poison his wife? Tell me that?

/A. Christie 'The Cornish Mystery'/

'What are you driving at, M. Poirot? I don't understand. What do you mean?' /A. Christie 'The Third-floor Flat'/

- лексическими средствами передачи эмоционального состояния раздражения в ситуации, вызванной непониманием, которые также можно считать средством актуализации концептуальных признаков концепта ТАЙНА:

'What! Where?' shouted Mr. Windibank, turning white to his lips and glancing about him like a rat in a trap

/A. Conan Doyle 'A case of identity'/

No one could have been more astonished than Dr Adams.' God bless my soul' he ejaculated. 'The poor woman must have been mad. Why didn't she speak to me?

/A. Christie 'The Cornish Mystery'/

К синтаксическим средствам выражения 'непонятности' и 'сложности для понимания' относим следующие дискурсивные маркеры, сигнализирующие удивление:

- повторение части сообщения, вызвавшей непонимание:

'Then the matter is simple. You are to go to Charman's Green and you are to discover a fishmonger.' 'A fishmonger?' asked Miss Lemon, surprised.

/A. Christie 'How Does Your Garden Grow?'/

- употребление эллиптического предложения, состоящего из местоимения What:

'The inconspicuous Mr Simpson.' *'What?'* I exclaimed.
'Oh, come now, Hastings, do not tell me that all is not clear to you now?' /A. Christie *'The Adventure of the Clapham Cook'*/
 Метафоризация, как средство вторичной номинации концепта ТАЙНА, также актуализирует концептуальный признак 'непонимание':
But I am all in the dark.
Now, I'll state the case clearly and concisely to you, Watson, and maybe you can see a spark where all is dark to me"
 / A. Conan Doyle *'The Man with the twisted lip'*

Таким образом, объективация концепта ТАЙНА осуществляется посредством актуализации его концептуальных признаков в детективном дискурсе с помощью различных лексических и синтаксических средств.

Литература

1. Бехта Т.О. Лінгвокогнітивне моделювання англomовного детективного дискурсу: дис. ... канд. філол. наук: спец. 10.02.04 / Бехта Тамара Олександрівна. – Львів, 2009. – 235 с.
2. Жаботинская С.А. Модели репрезентации знаний в контексте различных школ когнитивной лингвистики: интегративный подход / С.А. Жаботинская // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. – 2009. – № 848. – С. 3–14.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
4. Приходько А.М. Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики / А.М. Приходько. – Запоріжжя : Прем'єр, 2008. – 332 с.

ВОСПРИЯТИЕ ВРЕМЕНИ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ (на материале англо-американской традиции)

М.В. Карпусенко (Харьков)

Даже владея одним и тем же языком, люди далеко не всегда, согласно Е.М. Верещагину и В.Г. Костомарову [1], могут правильно понимать друг друга. Поэтому знание именно культуры и норм поведения позволяет избежать межкультурных конфликтов. Одним

из факторов, характеризующих культуру народа, является отношение ко времени. В частности, американская культура более ориентирована на краткосрочную перспективу. Голландский социолог и бывший сотрудник IBM Г. Хофстеде приводит в качестве примера понятие “ежеквартальный отчет”, впервые использованное в американской деловой практике. В европейской же практике квартал – очень короткий период времени, чтобы оценить работу фирмы или менеджера. Другой пример *ориентированности на краткосрочную перспективу* (ОКСП) – решение США (а под их влиянием, и Великобритании) ввести войска в Ирак в 2003 г., решение, которое должно было принести мгновенный результат, и которое не поддержали Германия и Франция, т.е. страны, чья культура более направлена на долгосрочную перспективу. По словам Хофстеде, ОКСП означает сосредоточенность на настоящем, если не на прошлом [3]. В английском языке, который отличается своей емкостью и лаконичностью, нет одного слова, означающего “послезавтра”, а есть четыре – “the day after tomorrow” (ср. голл. “overmorgen”, нем. “übermorgen”, фр. “après-demain”, ит. “dopodomani”), т.к. то, что происходит сегодня, гораздо важнее того, что произойдет завтра или послезавтра.

Другой голландский ученый Ф. Тромпенаарс выделяет два типа отношения ко времени – последовательный и синхронный. При первом подходе время течет от прошлого к будущему, каждый момент времени уникален и неповторим, поток времени однороден.

Синхронный подход основан на концепции временных циклов: все рано или поздно повторяется, всегда есть шанс закончить дело. В культурах, в которых господствует последовательный подход, например, у американцев, люди стремятся в каждый данный промежуток времени делать одно дело, точно соблюдают назначенное время деловых встреч, предпочитают строго следовать разработанному плану и укладываться в сроки (ср. насколько строже звучит англ. “deadline”, чем рус. “срок” или укр. “термін”). В США, по Ф. Тромпенаарсу, люди придерживаются последовательного подхода и, следуя ему, составляют расписания и придерживаются его [2]. Представители культур с синхронным подходом, как правило, делают несколько дел одновременно, время деловых встреч назначается приблизительно и может быть изменено в зависимости от обстоятельств. Распорядок дня, вообще говоря, определяется социальными отно-

шениями: представители этих культур могут прервать дело, которым они занимаются для того, чтобы поприветствовать знакомого, пришедшего в данный момент в офис, и пообщаться с ним.

В эпоху глобализации межкультурное общение гораздо проще осуществить, однако оно может давать сбои при неверной интерпретации поведения представителя другой культуры. Поэтому важно учитывать как можно больше аспектов его концептуальной картины мира, в т.ч. его поведение при принятии решений, а также определяющие его факторы.

Литература

1. Верещагин Е.М. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров ; под ред. и с послесловием акад. Ю.С. Степанова. – М. : Индрик, 2005. – 1040 с.
2. Тромпенаарс Ф. Национально-культурные различия в контексте глобального бизнеса / Ф. Тромпенаарс, Ч. Хэмпден-Тернер. – [пер. с англ. Е.П. Самсонов]. – Мн. : ООО “Попурри”, 2004. – 528 с.
3. <http://www.geerthofstede.com/geert>

КОНЦЕПТ *ВЕРА* В РЕЛИГИОЗНОМ И СВЕТСКОМ ДИСКУРСАХ

В.А. Каишкарёв (Харьков)

Дискурс является сферой функционирования концепта. Один и тот же концепт может входить в информационное поле нескольких дискурсов, то есть преферентно употребляться в одном дискурсе и вести себя индифферентно по отношению к другому. Это свидетельствует о том, что “концепт *a priori* наделен таким когнитивно-дискурсивным потенциалом, который обеспечивает его апеллирование к разным дискурсам, демонстрируя при этом процесс и результат реинтеграции человеческих знаний, рассредоточенных в разных социодискурсивных просторах” [2, с. 68]. Концепт реально существует только как ментальное состояние индивида в процессе речемыслительной деятельности, актуализируясь в разнообразии социокультурных контекстов [1, с. 10]. В концептологии такой феномен находит свое отражение в паттерне “концепт в дискурсах” (термин А.М. Приходько) [2, с. 68].

Таким образом, можно утверждать, что концепт выступает посредником между словами/лексемами и ментальной деятельностью. Значения единиц языка, которые вербализуют концепт в дискурсе, выступают как личная интерпретация общего социокультурного знания про отображаемый концептом феномен в коллективном языковом сознании лингвокультурного социума [1, с. 10].

Концепт ВЕРА в одно и то же время функционирует как в религиозном, так и светском дискурсах. Являясь комплексным многомерным сложноструктурированным ментальным образованием, концепт содержит тот максимум информации, который касается его предмета. Функционирование концепта ВЕРА одновременно в религиозном и светском дискурсах позволяет профилировать определенные специфичные составляющие значения этого концепта. Таким образом, дискурс выступает фоном/базой, на которую профилируется концепт.

Так, на фоне **религиозного дискурса** профилируются такие составляющие понятийного максимума концепта:

1. вера в Бога, которая вербализуется лексемами *faith, piety, religion*;

2. уверенность в существовании сверхъестественных сил – божеств, духов, связей и отношений, которые стоят по ту сторону горизонта повседневного мира человека, влияют и руководят его жизнью – *cult, faith, religion*;

3. признание истинности определенных религий, религиозных догматов и религиозных учений – *belief, consecration, creed, cult, denomination, devotion, doctrine, dogma, faith, faithfulness, persuasion, piety, principle, religion, sect, teaching, tenet*;

4. специфическое отношение к действительным или воображаемым объектам, явлениям, когда их достоверность и истинность принимаются без достаточных теоретических и практических доказательств на основе самоочевидности или авторитета Священного Писания – *confidence, dogma, faith, piety, satisfaction*.

Прототипической, или ядерной, единицей концепта ВЕРА в религиозном дискурсе выступает лексема *faith*, как та, которая включает в свой план содержания все вышеперечисленные значения.

В основу понимания веры религиозной теологи кладут слова, приписываемые апостолу Павлу: “*Now faith is the substance of things*

hoped for, the evidence of things not seen” /Hebrews 11:1/ – “Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом” /К Евреям 11:1/.

В свою очередь, на фоне светского дискурса профилируются следующие составляющие:

1. вера в окружающий мир, вербализируемая лексемами *allegiance, belief, confidence, devotion, fidelity* и др.;

2. вера в других людей – *allegiance, attachment, belief, commitment, confidence, constancy, credit, faith* и др.;

3. вера в свое тело и дух – *aplomb, belief, confidence, self-assurance* и др.;

4. вера в определенные качества и свойства – *aplomb, belief, care, certainty, cocksureness, confidence, courage, credence, credibility, credit, trust, surety* и др.;

5. вера в этические нормы – *belief, constancy, credo, dogma, faith, ideology, principle, teaching, tenet* и др.;

6. оценивание знаний без достаточных на то доказательств или на основе тщательного исследования доказательств – *assurance, assuredness, belief, certainty, confidence, conviction, credence, credit, faith* и др.

Ядреной лексемой в рамках светского дискурса выступает лексема *belief*, поскольку именно она включает в свой план содержания все перечисленные выше значения, которые выражают феномен веры светской.

Результаты этимологического анализа лексем *faith* и *belief* показали, что в начале XIII ст. лексема *belief* означала “что-либо принимаемое за истинное касательно религиозной догмы” и использовалась в значении “доверие Богу”, в то время как лексема *faith* имела лишь значение “верность кому-либо, основанная на обещании или долге”. Однако в XIV ст. лексема *faith* стала употребляться в религиозном смысле, а значение лексемы *belief* вплоть до XVI ст. было сведено только до “умственного принятия чего-либо как истинного”. В дальнейшем, лексеме *belief* вернулось частное значение религиозной сферы “признание истинности определенных религий и учений”, а значение “вера/доверие Богу” было строго закреплено за лексемой *faith*.

В религиозном дискурсе концепт ВЕРА выступает **общим ав-тохтоном**, т.е. таким, который исторически сформировался в рамках определенного вида дискурса (религиозного) и продолжает регулярно в нем отображаться, частично совпадая в нескольких дискурсах (ср. религиозный и светский дискурсы). В то же время, в рамках светского дискурса, концепт ВЕРА выступает **аллохтоном** – концептом, который, будучи атрибутом когнитивно-семантического пространства другого дискурса (религиозного), перенесен в данный дискурс (светский) для выполнения определенных коммуникативных целей. Аллохтоны являются “концептуальными переменными дискурса, то есть нетипичными, маловероятными, слабо прогнозируемыми, а иногда и нехарактерными для него, а поэтому реализуются в нем нерегулярно” [2, с. 67].

Таким образом, вера светская представляет собой уверенность в существовании окружающего мира, других людей, своего тела и духа, которая формируется всем жизненным опытом человека, начиная с его рождения. В отличие от веры религиозной, она заключается в сосредоточении всех помыслов и усилий на реализацию любви к ближнему именно в земных условиях, где нужно проявить гражданственность и мужественность, которые нуждаются в вере при ответственном поступке или решении.

Функционируя одновременно в религиозном и светском дискурсах, двух основных сферах бытия человека, концепт ВЕРА выступает с одной стороны центральным концептом или мега-концептом, а с другой – полидискурсивной ментальной единицей.

Литература

1. Мартынюк А.П. Концепт у дискурсивній парадигмі / А.П. Мартынюк // Вісник ХНУ ім. В.Н. Каразіна. – 2006. – № 725. – С. 9–12.
2. Приходько А.М. Дискурсологія концепту vs концептологія дискурсу / А.М. Приходько // Вісник ХНУ ім. В. Н. Каразіна. – 2007. – № 782. – С. 66–71.

**АВТОРСЬКА ІНТЕРПРЕТАЦІЯ
ПОЕТИЧНИХ ОБРАЗІВ МОВЧАННЯ
(на матеріалі поетичного дискурсу корелюючих мов)**

В.С. Куліш (Суми)

Проблема інтерпретації художнього тексту на часі є вельми актуальною з огляду на тенденції осмислення цього явища провідними лінгвістами (Р. Зорівчак, Л. Коломієць, В. Комісаров, В. Кухаренко, В. Радчук, Л. Краснова, Р. Гром'як). Під “інтерпретацією” вони розуміють: “засвоєння ідейно-естетичної, смислової та емоційної інформації художнього твору, яке здійснюється шляхом відтворення авторського бачення та пізнання дійсності” [6, с. 6]; “метод літературознавства й літературної критики, тлумачення змісту твору і його форми в певній культурно-історичній ситуації його прочитання” [5, с. 4]; “дослідницьку діяльність, пов’язану з тлумаченням змістової, смислової сторони літературного твору на його структурних рівнях через співвідношення з цілістю вищого порядку” [7, с. 316].

У сучасній лінгвістиці значна увага фокусується на лексичних маркерах емотивності, на інтеграції інтелектуальної, афективної (емоціональної) функції мислення, їх матеріалізації у мові [2, с. 52]. Слушною є думка про те, що емотивність має формальне вираження на всіх рівнях мови: фонологічному, морфологічному, лексико-семантичному та фразеологічному [4, с. 248]. Експресивність – це властивість вербалізаторів інтенсифікувати вплив на адресата за рахунок знаків оцінного наповнення [3, с. 40]. Силенціальний ефект в поетичному дискурсі наділений експресивністю, тому що його вербалізатори корелюють з експресивним та емотивним мовленням, актуалізуючи при цьому раціональні, емоційні, позитивні, негативні, амбівалентні та подвійні оцінки [1, с. 119]. Мовчання – це універсальне явище, що корелює з вербальним номінаціями (нейтральними та стилістично-маркованими). Напр.: *[Thoughts] silent ... as space (Lord George Byron); Silent as despairing love (William Blake), Silent as a ghost (Percy Bysshe Shelley); The silence like an ocean rolled, and broke against my ear (Emily Dickinson); The silence of the place was like a sleep, so full of rest it seemed (Henry Wadsworth Longfellow).*

Стилістично-марковані номінації пов’язані з експресивністю, емоційністю поетичного тексту, і екстеріоризуються завдяки вербаліза-

торам поетичного мовчання, які, в свою чергу, сприяють інтерпретації аксіологічної оцінки, авторського бачення референтів, відтворення експресивно-емотивного потенціалу кодованих та декодованих текстів.

В рамках моделі синонімічних зв'язків вербалізатор *silence* в англійській мові представлений рядом синонімів, що пов'язані між собою асоціативними зв'язками. Напр.: *nouns (silence; stillness (quiet); peace, hush, lull; muteness; solemn silence, awful silence, dead silence, deathlike silence), verbs (be silent; hold one's tongue (not speak), render silent; silence, still, hush; stifle, muffle, stop; muzzle, put to silence (render mute)), adjectives (silent; still, stilly; noiseless, soundless; hushed; mute., soft, solemn, awful, deathlike, silent as the grave; inaudible (faint)), adverbs (silently; sub silentio)* [10, с. 1250].

Що стосується, синонімічного ряду в українській та російській мовах, то він представлений релевантними номінаціями типу: *рос.: молчок, безмолвие, тишина, тишь, затишье, спокойствие, покой, ни звука, глушина, беззвучие., укр.: тиша, спокій, німота, мовчанка*. Синонімічні вербалізатори мовчання актуалізують емоційність, експресивність надлишково, за допомогою сталих та оказіональних виразів. Контекстуальне оточення є благодатним для семантизації внутрішніх вагань, нараторських роздумів та генерації метафоричної образності [1, с. 118].

Експресивно представлені лексичні повтори у екстеоріоризації силенціального ефекту у поетичних творів, напр.: Англ.: *Ah! gentle may I lay me down, and gentle rest my head, / And gentle sleep the sleep of death, and gentle hear the voice / Of him that walketh in the garden in the evening time.* [11, с. 156]. Рос.: *Ах, тихо бы улечься мне, и голову склонить, / И тихо смертным сном уснутъ, и тихо слушать голос / Того, кто и в вечерний час не оставляет сад* [9, с. 27].

В даному випадку такі лексичні повтори як *gentle rest, gentle sleep, the sleep of death* інтерпретуються в перекладі завдяки вербалізаторам мовчання *тихо смертным сном уснутъ, тихо слушать голос, тихо голову склонить*. Стає зрозуміло, що тиша тут асоціюється зі спокоєм, смертю, і саме ці компоненти виступають експресивними одиницями мовчання. Оцінка, емоція та експресія утворюють контекстуальну єдність.

Паралельно з лексемою *silence* наратори використовують для позначення мовчання прями та непрямі номінації, що корелюють з силенціальним ефектом, напр.: Англ.: *I would not talk, like Cornets – / I'd rather be the One / Raised softly to the Ceilings – / And out, and easy on* – [8, с. 166] Рос.: *Мне – говорить – как флейты? / Нет – покоряясь им – / Подняться тихо к потолку – / Лететь – как легкий дым* – [8, с. 167]

Поетика перекладу майже релевантна поетиці Емілі Дікінсон: вживання синонімічних графічних знаків, що також корелюють з силенціальним ефектом, а також вербалізаторів тиші і мовчання, таких як *raised softly, I would not talk* створюють неймовірно експресивну інтерпретацію поетичного твору.

Говорячи про парадигму засобів позначення мовчання в поетичному творі слід враховувати їх нейтральні та стилістично-марковані номінації. До вербалізаторів мовчання тяжіють такі емоційно забарвлені компоненти як парні синоніми, персоніфікація, метафора, порівняння, які по-різному інтерпретуються авторами. Перекладач же в свою чергу ніби заново осмислює поетичний текст, вводячи свої власні корективи та образи, бо інтерпретація – це варіант художнього сприйняття інваріанту. Інтерпретація дає могутній поштовх для пошуків, роздумів, поглиблення знань, загострення естетичного почуття, розуміння прекрасного, а отже – творчості. Можна із впевненістю сказати, що у природі і практиці художньої інтерпретації лежить мистецтво.

Література

1. Анохіна Т.О. Семантизація категорії мовчання в англомовному художньому дискурсі : монографія / Т.О. Анохіна. – Віниця : Нова книга. – 160 с.
2. Белова А.Д. Лингвистические аспекты аргументации / А.Д. Белова. – К. : Астрая, 1997. – 310 с.
3. Быценко Т.А. К вопросу соотношения эмоций и оценок в дискурсе негативной эмоциональности / Т.А. Быценко // Матеріали. міжнар. наук.-метод. конф. “Ювілейні четверті Каразінські читання, присвячені 200-річчю ХНУ: “Людина. Мова. Комунікація». – Х. : ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2004. – С. 39–41.
4. Гранько Н.К. Емоції у психології та лінгвістиці / Н.К. Гранько // Лінгвістичні й дидактичні проблеми іншомовної комунікації / Вісник ХНУ ім. В.Н. Каразіна. – Х. : Константа, 2002. – № 567. – С. 243–250.

5. Краснова Л. До проблеми аналізу та інтерпретації художнього твору / Л. Краснова. – Дрогобич : ТзОВ “Вимір”, 1997. – 147 с.
6. Кухаренко В.А. Інтерпретація тексту / В.А. Кухаренко. – М. : Просвещение, 1988. – 192 с.
7. Літературознавчий словник-довідник / [Р.Г. Гром’як, Ю.І. Ковалів та ін.]. – К. : Академія, 1997. – 752 с.
8. Джимбинов С.Б. Американская поэзия в русских переводах XIX – XX века / С.Б. Джимбинов. – Москва : Радуга, 1983. – 667 с.
9. Поэзия английского романтизма. – Москва : Худож. лит-ра, 1975. – 599 с.
10. LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English. – Pearson Education Limited, 1989. – 1744 p.
11. The Poems of William Blake. – Newly Revised Edition, 1988. – 973 p.

ДИСКУРС КАК СРЕДА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГЕШТАЛЬТОВ¹

И.А. Куприева (Белгород, Россия)

Современная наука о языке рассматривает дискурс как сложнейший живой организм, в котором происходит актуализация различных эпистемических структур знания или систем. К последним, по нашему мнению, относится гештальт, который является целостной лексико-информационной системой, актуализирующейся благодаря восприятию интерпретатором опорных лексем. Это означает, что первичное восприятие семантической информации есть восприятие целостной смысловой системы гештальта, то есть идентификация (с учетом обязательных концептуальных признаков) тематики в пределах топиковой цепочки дискурса. Дальнейший бессознательный структурно-морфологический анализ системы определенного гештальта ведет к ее развертыванию или пониманию ее акцентно выделенных элементов (в нашем случае гештальт-областей, гештальт-сфер и структурированных гештальт-полей), а также особенностей их функционирования в пределах субординации смысловой иерархии в целом. На последнем этапе восприятия происходит установление так называемых факультативных компонентов структурированного поля гештальта, актуализация которых определяется акцентом на той или

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для молодых российских ученых (проект № МК-5513.2014.6)

иной грани описываемого феномена с целью реализации авторского замысла. Далее при декодировании расставленных акцентов реципиент бессознательно привлекает свой собственный ассоциативный опыт, категоризирует воспринимаемую информацию в масштабе собственных процессуальных установок. Таким образом, опорное слово, “вырванное” реципиентом из дискурса, с позиции интерпретации смыслов может трактоваться как целый набор семантической информации, сам дискурс, несущий целую совокупность инвариантной и ассоциируемой лингвистической и нелингвистической информации, оно не только разворачивает ментальные структуры в поисках скрытого смысла, но и способствует указанию дальнейшей траектории генерации смыслов. Как справедливо по этому поводу замечает А.А. Кибрик, “с описательной точки зрения даже отдельно взятое слово является не элементарным атомом, а целым космосом, требующим своего поэлементного анализа” [3, с. 103]. И если рассматривать дискурс с позиции реципиента дискурсивной информации, то он может трактоваться как “текст в его становлении перед мысленным взором интерпретатора” [2]. Итак, вербальное выражение дискурса есть лексемы, вербализующие различные гештальты, а семантическая сторона дискурсивного пространства – это определенный набор топиковых цепочек. Иными словами, как отмечает В.З. Демьянков, элементарные смысловые частицы кроются в элементарных пропозициях, которые интерпретатор черпает из предложений или их частей в дискурсе. Далее полученные таким образом сведения “склеиваются” сознанием в общий смысл, который опять же готов приращивать новые сведения, получаемые при последующей обработке информации.

Таким образом, схема восприятия дискурса работает следующим образом: дискурс → гештальты и их развертывание → пропозиция и анализ актуализации фреймовых структур → сращивание смыслов и объединение их в топиковые цепочки. Посредством установления семантических (синонимических/антонимических отношений) и референциальных (в соотношении реального мира с категоризацией сущностей) связей, установления функциональной перспективы высказывания (т.е. того, что возможно в проекции развертывания темы) интерпретатор устанавливает единство дискурса у себя в сознании, что позволяет ему в дальнейшем добавлять

в дискурс новую ассоциативную информацию [2]. Последние сведения, поступающие зачастую из мысленного мира интерпретатора, являются субъективными и никак не совпадают с замыслом конструктора дискурса. Однако без них, то есть без опыта и личной оценки, ассоциаций реципиента невозможно полноценное “проживание” дискурса интерпретатором.

При описании восприятия информации реципиентом как механизме развертывания соответствующего гештальта в дискурсе нельзя не отметить важность параметра “здесь и сейчас” или хронотопичность, который позволяет гештальту сочетать настоящее, прошедшее и будущее, в любой точке своей актуализации высвечивать соответствующий темпоральный план и разворачиваться в режиме онлайн в виртуальном пространстве человеческого сознания. Хронотопичность обеспечивает дискретность и синкретизм восприятия значения, осуществляя взаимосвязь фигуры (выдвигаемого компонента значения, актуального на определенный момент времени) и фона (лингвистических и нелингвистических сведений о соответствующей ситуации, актуализируемой гештальтом). Таким образом, получается, что дискурсивный хронотоп есть базовый фактор, определяющий семантическое содержание слова (его смысл), в узком понимании, и система, а также стратегия развертывания соответствующего гештальта сообразно настоящему для интерпретатора времени восприятия информации, в широком понимании. Описывая сложность передачи смысла в контексте, О.Д. Вишнякова отмечает, что значение лексической единицей становится смыслом в определенном контексте употребления, то есть в конкретной речевой ситуации. Последняя является блендом языковой информации и нелингвистического контекста, сопряженного с рассматриваемым языковым знаком. Отсюда, по мнению ученой, вытекает необходимость учета внутренних системно-функциональных параметров на общем фоне специфики реального общения [1].

На фоне восприятия дискурса интересным является то положение, что инвариантная ядерная часть практически не подвергается никаким когнитивным воздействиям. Более того, при сохранении обязательных классификаторов содержательная специфика языкового знака раскрывается посредством актуализации дополнительных факультативных элементов ментальных структур, которые спо-

собны, как говорилось ранее, подстраиваться под конкретные условия акта коммуникации. Таким образом, вербализуясь на уровне дискурса ментальная структура – гештальт психических процессов – сохраняет свое инвариантное прототипическое устройство и подвергается синергетическим изменениям под воздействием процессуальных факторов на уровне конструктора дискурса. При этом конкретный реципиент, разворачивая у себя в сознании получаемый пакет информации, понимает его благодаря имеющимся у него фоновым знаниям и наполняет его собственными ассоциациями, пытаясь понять заключенные в слове значения. Подобные процессы происходят регулярно и могут трактоваться как окказиональные, когда единица, употребленная в несвойственном ей значении, выдвигает коннотативную часть значения, и регулярные, которые происходят с определенной долей закономерности, закрепляются системой и далее фиксируются в лексикографических источниках.

Литература

1. Вишнякова О.Д. Функциональные особенности языкового знака в языке и речи: на материале современного английского языка : автореф. дис. на соискание учен. степени доктора филол. наук / О.Д. Вишнякова. – Москва, 2003. – 49 с.
2. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ [Электронный ресурс] / В.З. Демьянков. – Режим доступа : URL: <http://www.infolex.ru/SMI1.htm>.
3. Кибрик А.Е. Константы и переменные языка; МГУ им. М.В. Ломоносова / А.Е. Кибрик. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2003. – 719 с.

ТЕКСТ И / ИЛИ ДИСКУРС?

А.В. Лещенко (Черкассы)

В существующих трактовках содержания термина “дискурс” можно выделить три основных подхода к его определению: 1) дискурс есть текст; 2) дискурс – это текст плюс вокругтекстовый фон; 3) дискурс – это когнитивный процесс, связанный с реальным рече-производством. Разноплановость трактовок дискурса не только затрудняет установление принципов соотношения “дискурс – текст”, но и “размывает” терминологические границы понятия “текст”,

вследствие чего возникает закономерный вопрос: так что же считать текстом, а что – дискурсом?

Вслед за И.С. Шевченко и Е.И. Морозовой, под дискурсом мы понимаем мыслекоммуникативную деятельность, которая является совокупностью процесса и результата и включает как экстралингвистический, так и собственно лингвистический аспект; в последнем помимо текста выделяют пресуппозицию и контекст (прагматический, социальный, когнитивный), обуславливающие выбор языковых средств [2, с. 38]. Иными словами, понятия “текст” и “дискурс” пребывают в отношении “целое (дискурс) – часть (текст)”, где текст является “конечным результатом речевой деятельности, выливающимся в определенную завершенную (и зафиксированную) форму” [1, с. 16], представляя собой “оттиск” сложного коммуникативного акта (О.П. Воробьева), осуществляемого с определенными целями и следствиями. Развивая эту мысль, мы полагаем, что основополагающим принципом, характеризующим взаимоотношение дискурса и текста, является принцип отражения, т.е. текст, будучи составляющей дискурса, одновременно содержит в себе и его “отражение”.

Дискурс как когнитивно-коммуникативный интерактивный процесс, предполагающий создание и восприятие текста, имеет концептуальную (понятийную) модель, в которой представлены информационные фокусы (ИФ) и их атрибуты (АИФ) (термины С.А. Жаботинской). Можно утверждать, что в концептуальной модели дискурса в качестве информационных фокусов выступают **автор, читатель и текст**. ИФ автора и ИФ читателя имеют свои атрибуты, каковыми становятся *место, время, коммуникативная цель* и *коммуникативная компетенция*. АИФ коммуникативной цели представляет, с одной стороны, коммуникативные намерения автора, предопределяющие прагматическую установку текста, а с другой стороны – понимание этих намерений (и этой установки) читателем. АИФ коммуникативной компетенции подразумевает специфику использования автором языковых средств для осуществления речевой деятельности в соответствии с целями и ситуацией общения в рамках той или иной сферы деятельности и понимание этой специфики читателем. АИФ места понимается широко: и как географический регион, и как культура/субкультура, с которой ассоциируются автор и читатель. АИФ времени определяет принадлежность автора и чи-

тателя к конкретной исторической эпохе, к определенному хронологическому отрезку. Согласованность, отсутствие диссонанса между одноименными АИФ автора и читателя предопределяет успешность (эффективность) коммуникации.

АИФ места и времени существования адресанта (автора текста) и адресата (читателя текста) формируют социопрагматический контекст дискурса. АИФ коммуникативной цели и АИФ коммуникативной компетенции как факторы адресанта (автора текста) и адресата (читателя текста) формируют коммуникативно-прагматический контекст дискурса. Социопрагматический контекст дискурса предоставляет информацию о культурных, социальных и прочих характеристиках самих коммуникантов, а также о месте и времени коммуникации. Коммуникативно-прагматический контекст дискурса специфицирует коммуникативный акт как таковой (интенции адресата и адресанта, их коммуникативные цели, сферу коммуникативной деятельности и пр.). Оба контекста – социопрагматический и коммуникативно-прагматический – “скреплены” антропоцентрами автора и читателя, содержащими информацию о личностных (гендерных, статусных, возрастных, психологических и пр.) аспектах коммуникантов.

Таким образом, концептуальная модель дискурса, где А – автор, Ч – читатель, имеет следующий вид (см. рис. 1).

Дискурсивный контекст, являющийся необходимой средой для создания / восприятия текста, отражается в семантическом пространстве последнего, формируя особый слой вербализованной *дискурсивной информации* (об участниках и контексте коммуникации), который наслаивается в тексте на вербализованную *фактуальную информацию* (об объекте сообщения). Тем самым текст можно рассматривать двояко: как фактуальную (неконнотируемую) информационную единицу (текст в его традиционном понимании) и как фактуально-дискурсивную (коннотируемую) информационную единицу (текст в совокупности с отраженными экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами). Несмотря на то, что последняя трактовка текста фактически сливается с одним из наиболее распространенных определений дискурса, фактуально-дискурсивный текст все же следует считать текстом, а не дискурсом.

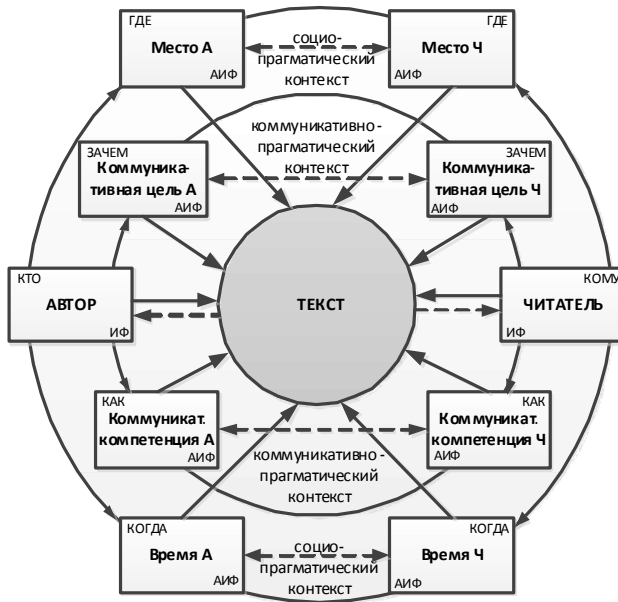

Рис. 1. Концептуальная модель дискурса

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова Е.С. Виды пространств текста и дискурса / Е.С. Кубрякова, О.В. Александрова // Категоризация мира: пространство и время : материалы науч. конф. – М. : Диалог-МГУ, 1997. – С. 15–26.
2. Шевченко И.С. Дискурс как мыслекоммуникативное образование / И.С. Шевченко, Е.И. Морозова // Вісник ХНУ ім. В.Н. Каразіна. – 2003. – № 586. – С. 33–38.

**МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ:
ПЕРЕВОД КАК ИГРА**

Я.Н. Литовченко (Харьков)

Противоречивость глобализации принимает удивительные формы. С одной стороны, глобальные процессы приводят к унификации реалий современной культуры. С другой – еще никогда не придавалось такого значения национальным культурным ценностям и борьбе за возрождение национальной культуры. Процесс культурного объе-

динения на фоне отстаивания культурной самобытности – один из самых актуальных вопросов межкультурного диалога.

В этом диалоге особое место уделяется акцентированию внимания на проблемном поле языка и межъязыковой коммуникации.

Новому культурному состоянию должен соответствовать новый способ ориентации в нём. В качестве такового предлагается игра. Ольшанский указывает, что перевод можно рассматривать в качестве особой формы игры. С его точки зрения, в правила этой игры входит поиск адекватности, то есть сутью игры становится умение адаптировать, а процесс адаптации невозможен без искажения оригинала [1, с. 14].

Если мы воспользуемся понятием языковой игры, которое предложено в поздних работах Витгенштейна, то мы примем и понимание самого языка как динамического явления. И сам язык, и, вслед за ним, перевод – это действие, вне которого они не существуют. М.С. Козлова отмечает, что для Витгенштейна “постижение сути высказываний, значений слов – и не в последнюю очередь важнейших философских положений, понятий – требует не искусства проникать в их *скрытую* логическую структуру, заключенный в них смысл, а предполагает нечто совсем иное. Что действительно необходимо, – таково теперь его убеждение – так это умение ориентироваться в *действии, функциях* языка, его практическом использовании в “ткани” самой жизни, поведения, – то есть там, где работа слов, фраз вполне открыта взору” [2, с. 8].

В этой игре мы можем рассматривать перевод поле ее реализации, репрезентации и трансляции. Естественно, поскольку любая игра требует правил, мы будем вынуждены учитывать таковые и для перевода. Умение адаптировать текст становится одним из основных правил игры.

Литература

1. Ольшанский Д.А. Межкультурная коммуникация: насилие перевода / Д.А. Ольшанский // Материалы междунар. науч.-практ. конф. “Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах” – “Коммуникация-2002” (“Communication Across Differences”) – Ч. II. – Пятигорск : Изд-во ПГЛУ, 2002. – С. 12–14.
2. Философские идеи Людвига Витгенштейна : сб. ст. под ред. докт. филос. наук М.С. Козловой. – М. : ИФРАН, 1996. – 169 с.

СПЕЦИФІЧНІ ОЗНАКИ АНГЛОМОВНОЇ ЮРИДИЧНОЇ ТЕРМІНОЛОГІЇ

Я.Ю. Манжос (Харків)

Ознаки англомовної юридичної термінології можна розподілити на чотири групи, а саме ті, які характерні для всіх видів терміносистем; ті, що властиві термінології суспільно-політичних наук [3, с. 8]; специфічні ознаки юридичної терміносистеми; ознаки, властиві саме англомовним юридичним термінам [6, с. 604].

До *першої групи ознак*, тих, що характерні для всіх терміносистем, відносяться системність [8, с. 67], логічна та предметна спрямованість; однозначність, здатність до семантичних відношень синонімії, антонімії, омонімії. [4, с. 9]. Однозначність та здатність до вказаних семантичних відносин виглядають досить суперечливими. З одного боку, мова законодавства не потребує додаткової експресії, тому ті синоніми та дублети, які використовуються в правовій мові, “несуть на собі відбитки не стільки відтінків смислу, скільки часу прийняття актів, що відображає поширену в суспільстві термінологію” [8, с. 78]. З іншого боку, неможливо заперечувати існування в юридичній термінології поняттєвих та стилістичних синонімів та дублетів [2, с. 153]. У такому випадку ознаки юридичної термінології дещо суперечать вимогам, що висувуються до неї, а саме однозначність, неприпустимість синонімії [5, с. 30], точність, доступність [2, с. 153–154; 8, с. 107–108].

До *другої групи ознак*, а саме ознак термінології усіх суспільно-політичних наук, до яких відноситься юридична термінологія [1, с. 18–19], відносяться такі:

- пряма, яскраво виражена залежність термінів суспільних наук від певної теорії та системи поглядів. Підчас детального аналізу виявляється, що терміни природних та технічних наук також залежать від теорії, що, у свою чергу, визначається світоглядом (наприклад, маса у фізиці), але ця залежність може бути знівельована, тоді як у термінів суспільних наук вона входить у їх змістову структуру;
- своєрідність системності: окрім підмов, які склалися та відображають закінчені теорії, існують також такі галузі знання, для яких

ще не побудовані системи понять, тому й система термінів цих галузей ще остаточно не сформована;

- наявність термінів на позначення абстрактних понять, наприклад, термінів, що позначають загальні поняття соціального характеру (*закон, право* тощо);
- більш широкий розвиток синонімії та багатозначності, ніж у терміносистемах природних та технічних наук; наявність оцінних сем у семантиці термінів [там само].

До *третьої групи ознак*, а саме специфічних ознак власне юридичної термінології, належать такі:

- наявність відношень субординації між термінологією закону та термінологією правозастосовної практики: “у статтях закону наводяться назви окремих правових категорій та їх визначення. Це – центральна за інформативною значимістю частина юридичної термінології, що слугує основою для термінології в практиці застосування правових норм” [4, с. 10];
- тісний зв’язок із повсякденними явищами, із життям людини, із світоглядом та ідеологією, з різними політичними та юридичними теоріями, науковими напрямками, певними суспільними традиціями, правовим досвідом [8, с. 65].

Перелік **вимог** до юридичних термінів включає наступні: термін має вживатися однозначно в межах одного нормативно-правового акту; терміни мають бути загальноновизнаними, існувати в повсякденному (фаховому) вжитку, а не бути вигаданими розробниками правових приписів; терміни мають володіти сталим характером й зберігати свій особливий смисл у кожному новому правовому акті [7, с. 366]; недвозначне, точне відображення змісту позначуваного правового поняття; збереження єдності термінології шляхом надання близьким за змістом правовим поняттям схожих найменувань; відмова від надмірного вживання термінів аббревіатур та скорочень, утворених з двох або більше слів [8, с. 197–112]. Навряд чи можна погодитися із останньою вимогою, адже аналіз американських та британських правових актів демонструє саме наявність значної кількості термінів-словосполучень, які складаються із двох / трьох та більше слів, наприклад *theft of lost or mislaid property, theft of motor vehicle fuel* та ін.

Дослідниками окремо визначаються також характерні риси саме *англійської юридичної термінології*, наявність яких пояснюється

тим, що англійське загальне право суттєво відрізняється від права країн континентальної Європи, яке розвинулося на основі давньоримського права. Англійське загальне право є прецедентним (основне джерело права – прецедент), натомість у країнах континентальної Європи основним джерелом права є нормативно-правовий акт, тобто закон (постанова, припис). Саме тому юридична термінологія країн загального права часто не збігається з нормативними поняттями та термінами континентального права [6, с. 604], “англійському праву властива стабільність юридичної мови, основ юридичного мислення, наявність власних юридичних понять, що нерідко зовсім відсутні в праві країн континентальної Європи та не можуть бути адекватно перекладені їхньою мовою. Так, наприклад, до традиційно англійських інститутів права відносять *trust* – довірча власність; розпорядження майном на засадах довірчої власності” [там само].

Враховуючи усі проаналізовані вище моменти доходимо висновку, що юридичні терміни, володіючи певними ознаками всіх термінологій, термінологій суспільно-політичних наук та своїми власними, характеризуються, порівняно з іншими, більшою точністю та недвозначністю; велика їх частина, пов’язана з поняттями протиправності та карності, залучає негативно-оцінну конотацію. Специфіка *англо-мовної юридичної термінології* ґрунтується на особливостях англосаксонської правової традиції, зокрема на прецедентності правових норм, відсутності зв’язку з канонами римського права та на установленості правових норм, забезпечених тривалістю й розвиненістю відповідної правової системи. Зазначені чинники спричиняють до чисельності й багатоманітності англо-мовних юридичних терміно-одиниць та стабільності їх значення і вжитку.

Література

1. Давлетукаева А.Ш. Диахронический аспект развития экономической терминологии (английский язык): дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.21; 10.02.20 / Давлетукаева Асет Шамсутдиновна. – М., 2002. – 182 с.
2. Ивакина Н.Н. Профессиональная речь юриста : учеб. пособие / Н.Н. Ивакина. – М. : Изд-во БЕК, 1997. – 348 с.
3. Лутцева М.В. Лексикографическое описание юридической терминологии в неспециальной сфере использования (лингвостатистическое исследование на материале произведений Дж. Гришема) : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.19 “Теория языка”; 10.02.04 “Германские языки” / М.В. Лутцева. – Ярославль, 2008. – 19 с.

4. Русский язык в профессиональной деятельности юриста : учеб-метод. пособие для студентов вечернего отделения, обучающихся по специальности 1801 “Правоведение” / [сост. Т.В. Губаева ; науч. ред. В.П. Малков]. – Казань : Изд-во КГУ, 1988. – 18 с.
5. Савицкий В.М. Язык процессуального закона (Вопросы терминологии) / В.М. Савицкий. – М. : Наука, 1987. – 287 с.
6. Скакун О. Ф. Теория государства и права / О. Ф. Скакун. – Харьков : Консум, 2000. – 703 с.
7. Энциклопедический юридический словарь / [под общ. ред. Е. В. Крутских]. – [2-е изд.]. – М. : Инфра – М, 1998. – 368 с.
8. Язык закона / [под общ. ред. А.С. Пиголкина]. – М. : Юридическая литература, 1990. – 200 с.

ON THE WAY TO PROFESSIONAL DISCOURSE

Valery V. Mykhaylenko (Chernivtsi)

English for Specific Purposes: What does it mean? Why is it different from EFL? There are three reasons of common sense to the emergence of all ESP: the demands of a Brave New World, a revolution in linguistics, and focus on the learner.

There can be absolute characteristics of ESP:

1. ESP is defined to meet specific needs of the learners;
2. ESP makes use of underlying methodology and activities of the discipline it serves;
3. ESP is centered on the language appropriate to these activities in terms of grammar, lexis, register, study skills, discourse and genre.

Among the variable characteristics one can distinguish:

1. ESP may be related to or designed for specific disciplines
2. ESP may use, in specific teaching situations, a different methodology from that of General English
3. ESP is likely to be designed for adult learners, either at a tertiary level institution or in a professional work situation. It could, however, be for learners at secondary school level
4. ESP is generally designed for intermediate or advanced students.
5. Most ESP courses assume some basic knowledge of the language systems (Dudley-Evans, 1997).

Hutchinson et al. (1987) believe that the difference between General English and ELSP is quite simple, “in theory nothing, in practice a great deal”. Teachers nowadays, however, are much more aware of the importance of needs analysis, and certainly materials writers think very carefully about the goals of learners at all stages of materials production. Perhaps this demonstrates the influence that the ESP approach has had on English teaching in general.

Clearly the line between where General English courses stop and ESP courses start has become very vague indeed. Rather ironically, while many General English teachers can be described as using an ESP approach, basing their syllabi on a learner needs analysis and their own specialist knowledge of using English for real communication, it is the majority of so-called ESP teachers that are using an approach furthest from that described above.

Instead of conducting interviews with specialists in the field, analyzing the language that is required in the profession, or even conducting students’ needs analysis, many ESP teachers have become slaves of the published textbooks available, unable to evaluate their suitability based on personal experience, and unwilling to do the necessary analysis of difficult specialist texts to verify their contents.

Most of the material causes a smile on the part of the specialist.

The class where an English instructor teaches economy to economy majors is taken for granted in our universities? It is modestly called “Professionally oriented Foreign Language” or “Business Foreign Language” Wouldn’t your ego suffer if you, a linguist, are taught linguistics by an economy instructor?! There was a country-wide experiment in Russia of XIXc. resulted in Nizhegorodsky French.

Developing a workplace discourse tendency (M.Krhutovĭ, 2009) must be gratified. This variety is characterised by features typical of language for specific purposes. The author emphasizes the connection between the language competences of the producers and receivers and their professional knowledge, which supplies them with professional mental schemata. They facilitate the transfer of professional information in English. According to the author this kind of communication is culturally independent which true for the inside economy but it is quite wrong in the cross-cultural communication.

Discourse is one of the most significant concepts of contemporary thinking in the humanities and social sciences as it concerns the ways

language mediates and shapes our interactions with each other and with the social, political and cultural formations of our society. Giovanni Parodi (2010) offers a description and a deep examination of discourse genres across four disciplines (Psychology, Social Work, Industrial Chemistry, and Construction Engineering), in academic and professional settings. The study is based on one of the largest available corpus on disciplinary written discourse in Spanish. Barbara Couture (1992) differentiates three categories of professional discourse: engineering, administrative, and technical/professional writing when discussing the specific features of writing in these types of discourse

Using a wide range of examples such as research papers, business reports, performance commentaries, professional guidebooks and legal documents, Kong Kenneth (2009) bases his exploration on systemic-functional linguistics, pragmatics, text analysis and sociological and anthropological linguistics that helps to differentiate a great variety of professional genres. He argues that while different professions use different sets of practices, their use of language displays many universals, and demonstrates this through examples and data from a broad cross section of professional settings such as medicine, law, business, mass media, and engineering. This examination of professional discourse, and its important role in society, will be of interest to researchers in linguistics, applied linguists, and those working on the teaching of English for specific purposes (see also: Sarah Williams, 2008).

The students learning professional must be in the English Continuous Professional Development's context beginning with Introduction into their speciality ongoing through their undergraduate studies up to their graduation.

The present paper is concerned with a methodology for the study of intercultural communication in the framework of the professional discourse? In our case it is the economy register We argue that intercultural communication should be regarded and analyzed as ordinary communication. Intercultural communication is often analyzed as a type of communication in which meanings and communicative practices are not shared between the participants, thus leading to miscommunication. Still, intercultural communication, as any type of communication, is only possible when interactants have a common ground of meanings and practices that are oriented to as shared, and which we have called

‘intercultural discourse’. We therefore propose an analysis of intercultural communication which aims at the reconstruction of the ‘common ground’ and of the process of its construction. This process can, but need not be characterized by misunderstandings.

We offer students an article on the current topic of their major (economy):

The first task is to scan and pinpoint the terms frequently used in English and their native languages.

The second task is to specify their meaning in the both languages.

The third task is to define terms differing in the both languages.

The fourth task is to give the definition of the given terms.

The fifth task is to give a contrastive survey of the definitions.

The sixth task is to verify their meaning in the original text and the student’s possible translation.

We believe that the definitional analysis of the lexeme meaning registered in the dictionary entries is the most reliable principle of the lexical meaning investigation. Though the revealed components are taken context-free must be verified in the discourse. The fact is that the component actualized in discourse depends upon the author’s intention, the lexeme combinability (lexical-grammatical, lexical-semantic), and the discourse registers.

The seventh task to give different types of translation which will avoid any misunderstanding and correct from the cross-cultural point of view.

ЖАНРОВІ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЮРИДИЧНОГО ДИСКУРСУ

О.В. Михайлова (Харків)

На сучасному етапі поняття “дискурс” розглядається дослідниками або як реалізація мовлення в конкретній ситуації спілкування, що означає його діалогічність та соціокультурний контекст; або як тематичне вживання мови – його функціональність (Бахтін М.М., Дементьев В.В., Карасик В.И., Макаров М.Л., Серіо П., Стаббс М., Чернявська В.Є., та ін.).

За своїм походженням термін “дискурс” означає – мовлення, виступ, міркування. Характеризувати дискурс можна як з формальної точки зору так і в рамках прагматичного напрямку лінгвістики.

У формальному відношенні дискурс являє собою одиницю, що є більшою за об'ємом ніж речення, яке вжито у певному соціальному контексті. З прагматичної точки зору дискурс розуміється як мовлення, а, отже, передбачає наявність адресата, який завжди пов'язаний із конкретною ситуацією спілкування.

Дискурс в рамках когнітивного підходу можна представити як утворення, яке має поверхневий та глибинний рівень. На поверхневому рівні розглядаємо конкретні дискурсивні одиниці, до яких належать мікротексти, що передають позамовну дійсність взаємопов'язаними синтаксичними структурами. Глибинний рівень представляє комунікативну реалізацію дискурсивних одиниць, тобто їхнє функціонування в конкретному соціокультурному контексті, що передбачає наявність жанрової варіативності дискурсу.

Так, в широкому розумінні, дискурс – це макроструктура, яка передає ментальні та соціальні особливості учасників комунікації. Дані макроструктури представляють реалізацію ментальних моделей поведінки та мовлення представників певних соціальних груп.

Аналіз дискурсу здійснюється з урахуванням таких параметрів як: 1) центральна роль належить учасникам комунікативної ситуації, яка відбувається в певному культурному контексті; 2) розгляд текстових складових відбувається динамічно, від їхнього зародження до інтерпретації; 3) комунікативні ситуації передбачають комунікативну інтеракцію, яка реалізує особисте відношення до ситуації, обмін ідеями та досвідом, прагнення взаємовпливу. Такий діяльнісно-орієнтований підхід дозволяє проаналізувати такий жанровий різновид дискурсу як юридичний дискурс.

Під жанром в сучасній лінгвістиці розуміють групу текстів, які слугують вирішенню певних комунікативних завдань у конкретних умовах спілкування. Трактуювання поняття мовленнєвого жанру сягає витокami теорії М.М. Бахтіна, яка характеризується своєю прагматичністю: наявністю комунікативної ситуації в якій вербально реалізуються наміри адресата й відповідна позиція адресанта. За М.М. Бахтіним мовленнєвий жанр – це “типові моделі побудови мовленнєвого цілого”, в якому реалізуються тема, стиль і композиція висловлювань. При цьому розуміння теми стилю і композиції носить прагматичний відтінок. Так, тема динамічна відображає предмет мовлення, на який очікується відповідна позиція. Стиль характери-

зується контекстом конкретної ситуації, в якому простежується власна позиція мовця. Композиція – це певний метатекст, структурна організація якого ілюструє відношення мовця до інших учасників спілкування. Поняття мовленнєвого жанру в концепції М.М. Бахтіна, невід’ємне від діяльності людини в реальному житті, її соціального статусу. Саме таке розуміння жанру актуальне для дослідження юридичного дискурсу.

Формально будь-який тип дискурсу реалізується одиницями мови, які зазвичай передають діалог. Така діалогічна реалізація дискурсу демонструє його лінгвістичну та екстралінгвістичну складові.

Перша передається будовою синтаксичних одиниць (1) квазі речення → 2) просте речення → 3) складне речення → 4) надфразова єдність → 5) макроструктури, наприклад, преамбули до законів).

(1) ATTORNEY: *What is your date of birth?*

WITNESS: *July 18th.*

ATTORNEY: *What year?*

WITNESS: *Every year.*

(2) *This agreement has its advantages.*

(3) H: *So how did the judge deal with it ?*

John: *Well, at one stage, he had to threaten the boss with imprisonment for contempt of court if he didn't keep quit.*

(4) J: *So, can I ask you, what exactly does a mediator do?*

H: *Well, the important thing about a mediator is that he or she is neutral. We must be completely independent, with no vested interest in the outcome. ... We're only interested in helping the parties reach a mutually acceptable solution.*

(5) *An Act to make provision about legal aid; to make further provision about funding legal services; to make provision about costs and other amounts awarded in civil and criminal proceedings; to make provision about referral fees in connection with the provision of legal services; to make provision about sentencing offenders, including provision about ... (Legal Aid, Sentencing and Punishment of Offenders Act 2012 CHAPTER 10)*

Друга передає певний актуалізований соціокультурний контекст. Наявність учасників ситуації таких як *Magistrate* та *Defendant* у прикладі (6) занурюють слухача / читача у судовий процес, а їхні репліки розкривають (дають змогу зрозуміти) макротему – судове

слухання з невиконання договірної угоди та їхнє особисте ставлення до даного питання.

(6) Magistrate: *I'm putting it to you again – are you going to make an offer – uh uh to discharge this debt?*

Defendant: *Would you in my position?*

Magistrate: *I – I'm not here to answer questions – you answer my question* (Harris 1984:5)

Типологія дискурсу передбачає, насамперед, існування усного і письмового дискурсу, при цьому письмовий розуміється як похідний від усного, так як фіксує графічно усні висловлення. При цьому спостерігаються характерні особливості письмової фіксації усного мовлення. Так, наприклад, письмовий дискурс: 1) позбавлений фрагментації (інтонаційних одиниць, реалізованих клаузами) і має тяжіння до складних синтаксичних конструкцій; 2) для підтримання зв'язку між адресантом і адресатом у часі та просторі вживаються займенники першої та другої осіб; 3) позбавлений невербальних засобів передачі інформації.

(7) ... *We enclose **our** client's signed form of authorization together with her statement relating to the accident, and should be grateful **if you** would prepare a short report dealing with the following issues:* ... [R. Haigh Legal Cor. p. 34]

Юридичний дискурс являє собою статусно-орієнтований дискурс, який реалізує інституційне спілкування – мовленнєву взаємодію представників різних соціальних груп, на кшталт: юрист vs правопорушник, адвокат vs клієнт, сторони конфлікту vs посередник (mediator), фізична vs юридична особа при укладанні контракту та ін.

Серед функцій юридичного дискурсу виокремлюємо: інформаційну (тексти законів та інших нормативно-правових актів), впливову (виступи захисника та обвинувача в суді; лист-пропозиція щодо укладання контракту та ін.), оцінюючу (відповідь на умови та терміни контракту), прогнозуючу (винесення рішення / вироку – виступ судді), та аналітичну (протоколи з місця подій).

Отже, дослідження юридичного дискурсу передбачає аналіз письмово зафіксованої комунікації, яка відбувається: 1) під час виступів учасників судового процесу та документальної фіксації рішень і заяв, прийнятих на різних стадіях процесу; 2) функціонування законодавчих документів; 3) укладання юридичної документації.

Таким чином, в межах юридичного дискурсу виокремлюємо такі його типи: 1) судовий; 2) законодавчий; 3) діловий. В цілому, юридичний дискурс розуміють як реалізацію комунікації в галузі права.

Перспектива дослідження полягає у встановленні механізмів формування різних жанрів юридичного дискурсу та їхніх підтипів.

ВЕЛИКАЯ ДЕПРЕССИЯ КАК ПРОТОТИП КАТЕГОРИИ КРИЗИС

Н.А. Олейник (Харьков)

Познание окружающего мира, его осмысление происходит путем установления общих черт при сопоставлении прошлого и нового опыта. Новый опыт классифицируется сознанием и соотносится с одним или несколькими концептуальными образованиями, сформировавшимися ранее. **Цель** нашего исследования – сопоставление данных языкового отражения экономического кризиса в современных средствах массовой информации с аналогичными данными Великой Депрессии 20-30-х годов.

В данной работе мы попытаемся обосновать выбор именно этого исторического периода для нашего исследования, используя прототипический подход, который, по Е.С. Кубряковой, предполагает, что: 1) каждая естественная категория обладает определенной структурой, не предписывает своим членам как членам некоего множества обязательности повторения набора идентичных черт – она характеризуется прототипичностью лишь в том смысле, что организуется вокруг прототипа или нескольких прототипов; 2) прототипом является лучший представитель своего класса, имеющий наиболее яркие психологические признаки. Фокус категории является средоточием наиболее представительных характеристик своего класса, а следовательно, понятие прототипа может быть признано коррелятивным понятию категории в ее классическом варианте; 3) члены категории не равны по своему статусу внутри категории, они разнятся по степени схожести с эталоном – прототипом; 4) категории прототипического характера, объединяя единицы с различным набором признаков и частично нетождественными характери-

стиками, оказываются категориями с размытыми неопределенными границами [2, с. 96–98].

Характеристики членов категории КРИЗИС базируются на классификаторе “поворотный пункт/переломный момент” – когнитивном признаке, присущем в разной степени всем членам данной категории – наименованиям *экономического кризиса*. Говоря о современном экономическом кризисе, эксперты сравнивают его с кризисом 1929–1933 гг. в США по критериям масштабов, продолжительности и влиянию на общество: “Современный кризис знаменует возвращение макроэкономических колебаний такой амплитуды, которую не видели со времен войны, что и вызвало новый интерес к опыту Великой депрессии” [4; 2].

Экономисты усматривают явные сходства между кризисами 1907–1908, 1929–1935 и 2007–2009 годов по критериям предпосылок/условий их появления и географического происхождения. Они все развивались после денежной или кредитной активности, вызвавшей повышение стоимости ценных бумаг, уверенность инвесторов и недооценку рисков. Все они были приведены в действие событиями в США, хотя истинные причины и дисбаланс были гораздо сложнее и глобальнее, и все они распространились по всему миру, чтобы оказать глубокое влияние на мировую экономику.

Критерий последствий также свидетельствует о прототипичности кризиса 1929–1930-х усугубился из-за массовых закрытий банков в США и Европе и неадекватной государственной политики США и вскоре превратился в глобальную депрессию, с несколькими последующими годами резких потерь в валовом внутреннем продукте и индустриальном производстве до наступления периода стабилизации и начала хрупкого выздоровления в 1933. Известные данные по ВВП трех кризисных периодов [5] раскрывают разницу в масштабах последствий Великой Депрессии и двух других периодов, наглядно демонстрируя крупнейший, наиболее затяжной, глубокий и всеохватывающий кризис за всю историю капитализма – мировой экономический кризис 1929–1933 гг.

Экономический кризис – скалярное явление, которое может быть оценено в терминах “больше” – “меньше”. С этой точки зрения Великая Депрессия находится на полюсе *max*, что свидетельствует о её прототипичности: промышленное производство в США

сократилось за эти годы на 46,2%, в Германии – на 40,2%, во Франции – на 30,9%, в Англии – на 16,2%. Кризис захватил все страны мира, причем показатели падения производства в менее развитых странах зачастую были более глубокими, чем у четверки экономических лидеров. Например, индекс промышленного производства в Чехословакии снизился на 40%, в Польше – на 45%, в Югославии – на 50% и т.д. Невиданного размаха достигла безработица. Так, только, по официальным данным, в 32 странах число безработных за три года кризиса (1929–1932) увеличилось с 5,9 млн. до 26,4 млн., происходило массовое разорение фермеров и т.д. [3, с. 194].

Наконец, когнитивный критерий длительности КРИЗИСА показывает, что “Великая депрессия – это рецессия мировой экономики, начавшаяся в 1929 году и закончившаяся в начале 1933 года. Однако вплоть до 1939 года мир выходил из депрессии, поэтому 1930-е годы в целом считаются периодом Великой депрессии, термин “Великая депрессия” обычно употребляется лишь в отношении кризиса в США [1].

Таким образом, объективизируя современный экономический кризис, человек обращается к своему опыту, где сформирован мысленный образ предметов, принадлежащих некоторой категории – прототипу. Для понятийной категории ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС член категории, находящийся ближе к этому образу, оценивается как лучший или более прототипичный экземпляр, чем все остальные; в нашем случае – это Великая Депрессия, лексически представленная в языковой картине мира англоязычного сообщества.

Литература

1. Информация о США [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://usa-info.com.ua/history/great_deprecion.html].
2. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е.С. Кубрякова – М., 1997. – 235 с.
3. Поляк Г.Б. Всемирная история : учебник для вузов / Г.Б. Поляк, А.Н. Маркова. – М. : Культура и спорт, ЮНИТИ, 2000. – 252 с.
4. Albers R. Major crises: historical comparisons to the great depression and the classical gold standard 6th Eurostat Colloquium on “Modern Tools for Business Cycle Analysis: the lessons from global economic crisis / R. Albers, L. Jonung. Luxembourg, 26th – 29th September 2010, Session Globalisation Effects on Business Cycle Analysis and Forecasting, Part 2. – 12 p.

5. Smits J.P. et al. A Dataset on Comparative Historical National Accounts, ca. 1870-1950: A Time-Series Perspective [Электронный ресурс] / J.P. Smits, P.J. Woltjer, D. Ma 2009 – Режим доступа : <http://www.ggdc.nl/publications/memorandum/gd107.pdf>.

ОСОБЛИВОСТІ ДИСКУРСУ ПОЛІТИЧНОГО ТОК-ШОУ

Л.М. Писаренко (Харків)

Телебачення як один з найвпливовіших соціальних інститутів, що здатний впливати на світогляд членів сучасного суспільства, привертає увагу вчених та дослідників різних галузей науки: філософії, журналістики, політології, соціології та інших. Дослідження мас-медіа ведеться вітчизняними та зарубіжними вченими-лінгвістами у різних напрямках: теорії комунікації (Почепцов), дискурсології (Карасик, Чудинов, Шейгал, van Dejk), критичного аналізу дискурсу (Чернявська, van Dejk).

Сучасне телебачення пропонує багато різноманітних жанрів, але одним з найпопулярніших жанрів, що об'єднує в собі ознаки дискусії, інтерв'ю, розважальної та інформаційно-аналітичної передачі, є ток-шоу [3]. Ток-шоу (далі – ТШ), обраний за об'єкт дослідження, виділяється з проміж інших телевізійних продуктів (дискурсів окремих жанрів), тому що перебіг розмови контролюється режисером, регулюється ведучим, формується учасниками – гостями та оцінюється аудиторією – глядачами [7, с. 490]. Будь-яке ТШ можна порівняти з форумом, на якому суспільство розглядає теми та підіймає питання, що визначають базові цінності суспільства. Саме це зумовлює необхідність вивчення ток-шоу як особливого типу дискурсу, оскільки його мова дає можливість сконструювати своєрідний мовленнєво-культурний портрет суспільства на певному етапі його розвитку.

Слідом за І.С. Шевченко і О.І. Морозовою, дискурс розуміємо як “інтегральний феномен, мислекомунікативну діяльність, що відбувається в широкому соціокультурному контексті; вона є сукупність процесу та результату, характеризується континуальністю та діалогічністю” [5, с. 28].

ТШ виконують різноманітні функції: з одного боку вони мають на меті розважити аудиторію, а з іншого інформувати, тим самим впливаючи та формуючи погляди на суспільство, політику в цілому та політичне життя в країні. Таким чином, окрім ознайомлення з подією, формат ТШ дає можливість висловити власну суб'єктивну думку. Виходячи з такого поєднання двох функцій (інформативної та розважальної), вчені називають ТШ інфорозважальним (infotainment) [7], що дає нам можливість говорити про поєднання інституційного та побутового типів дискурсу у ТШ.

Для побудови моделі дискурсу ТШ як інституційного типу дискурсу необхідно виділити суттєві ознаки/категорії дискурсу, які будуть загальними для усіх жанрів даного дискурсу та відрізнятимуть його від інших типів дискурсу.

Інституційне спілкування характеризується більш жорсткою структурою, ніж побутовий дискурс. Основною характерною ознакою інституційного дискурсу є регламентованість, яка для дискурсу ТШ зумовлюється каналом спілкування. Будучи медійним продуктом ТШ має певну структуру (frame). З одного боку, ТШ обмежене ситуативно (відбувається в певній обстановці – студії, направлене на масову аудиторію, регулюється командою професіоналів), а з іншого – дискурсивно (обмежене в часі, у виборі промовця та черговості розмови), що обмежує вибір мовних засобів. Використання фраз-кліше при анонсі та закінченні програми є характерними ознаками даного дискурсу.

З точки зору структурної організації політичне ТШ чітко регламентоване: програма розпочинається анонсом, ведучий розпочинає, веде, перериває та закінчує передачу. Зазвичай міна комунікативних ролей (операціональна метадискурсивна категорія, яка забезпечує структурування і регуляцію діалогічного дискурсу у режимі реального часу шляхом переходу ролі мовця від одного учасника спілкування до іншого [2]) відбувається плавно та регулюється ведучим, але в ситуаціях, коли потрібно спрямувати розмову в потрібне русло або дотримуватися часових обмежень шоу, ведучий може вдатися до перебивань. Для дискурсу ТШ типова спонтанна міна ролей, оскільки до перебивань вдається не лише ведучий, а й учасники шоу.

Не менш важливою є категорія адресованості. Структура дискурсу передбачає наявність двох ролей: адресанта (мовця) та адре-

сата. Дискурс ТШ орієнтований на два види адресата: прямо адресовану аудиторію (гості у студії) та аудиторію біля екранів телевізора (опосередкований колективний адресат), яка є основним реципієнтом повідомлення [6, с. 235]. Метою дискурсу політичного ТШ є формування поглядів опосередкованого адресата на суспільство і політику, з одного боку, та розважання адресатів обох типів, з іншого, де сам процес спілкування є не менш важливим аніж його результат.

Дискурс ТШ як будь-який інституціональний дискурс представляє певну єдність змісту, тематики та стилю, реалізовану з метою досягнення певних комунікативних задач [1]. Аналізуючи дискурс політичних ТШ, ми можемо виділити в ньому ключовий концепт, навколо якого будується усе спілкування: це ВЛАДА.

Таким чином, у складі дискурсу політичного ТШ є наступні категорії: інформативність, тематична єдність, інтенціональність, адресованість, канал спілкування, ситуативність, стратегії та тактики, фатична метакомунікація та міна комунікативних ролей. Поряд з ознаками інституціональності дискурс ТШ поєднує ознаки побутового дискурсу, що визначається суб'єктивними інтересами, бажаннями, настроєм та емоціями. Дискурс політичного ТШ поєднує властивості інституціонального і буденного типів дискурсу, що вирізняються за ступенем унормованості і ритуалізованості. Його розгляд у стилістичному аспекті є перспективою дослідження.

Література

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
2. Лавріненко І.М. Міни комунікативних ролей у сучасному англomовному кінодискурсі : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 “Германські мови” / І.М. Лавріненко. – Харків, 2011. – 21 с.
3. Телевизионная журналистика : учебник. – [4-е изд. / редколлегия: Г.В. Кузнецов, В.Л. Цвик, А.Я. Юровский]. – М. : Изд-во МГУ, Изд-во “Высшая школа”, 2002. – 304 с.
4. Шевченко І.С. Дискурс и его категории / И.С. Шевченко // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. – 2011. – № 973. – Вип. 68. – С. 6–12.
5. Шевченко І.С. Дискурс як мисленнєво-комунікативна діяльність / І.С. Шевченко, О.І. Морозова // Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен. – Х. : Константа, 2005. – С. 21–28.

6. Ilie C. Semi-institutional Discourse: The Case of Talk Shows / C. Ilie // Journal of Pragmatics. – 2001. – № 33(2). – P. 209–254.
7. Ilie C. Talk Shows / C. Ilie // Encyclopedia of Language and Linguistics 2nd Edition. – Oxford: Elsevier. – 2006 – Vol. 12. – P. 489-494.

РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИЙ И ТАКТИК В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

А.А. Прокопенко (Еременко)

Политический дискурс является одним из востребованных профессиональных видов дискурса для современного лингвиста. Применение имеющихся результатов исследований политического дискурса [1–3] к сфере предвыборной коммуникации, позволило выделить основные речевые стратегии, использованные субъектами политического и предвыборного дискурса США. К ним относятся: стратегии ориентации (стратегия самопрезентации политиков и информационно-интерпретационная стратегия), стратегии убеждения (аргументативная и агитационная стратегии), конфронтационная стратегия и интеграционная стратегия.

Для достижения цели предвыборного дискурса коммуниканту необходимо убедить адресную аудиторию в истинности постулируемых им положений и ценности именно его профессионального и личного опыта для решения важных политических, экономических и социальных задач. Результаты нашего исследования показывают, что наиболее эффективными *стратегиями убеждения*, способными привлечь избирателей на сторону субъекта предвыборной коммуникации, являются аргументативная и агитационная стратегии. Аргументативная стратегия представлена *тактикой контрастного анализа, тактикой указания на перспективу, тактикой иллюстрирования*. Специфическими тактиками агитационной стратегии являются *тактика обещания и тактика призыва* [4].

Таким образом, для реализации стратегии самопрезентации Б.Х. Обама не использует тактику *самооправдания*, чем снимает с себя ответственность за создание обсуждаемых проблем. Для реализации информационно-интерпретационной стратегии политик

активно использует тактику акцентирования негативной информации, критически оценивая как существующее положение в экономической, политической и социальной сфере, так и возможные перспективы развития, ожидаемые в том случае, если существующий в странах политический курс не будет изменен:

And I believe this is a final verdict on the failed economic policies of the last eight years, strongly promoted by President Bush and supported by Sen. McCain, that essentially said that we should strip away regulations, consumer protections, let the market run wild, and prosperity would rain down on all of us. [3]

But let's go back to the original point. John, nobody is denying that \$18 billion is important. And, absolutely, we need earmark reform. And when I'm president, I will go line by line to make sure that we are not spending money unwisely [1].

Особенности коммуникативной задачи, решаемой в рамках конкретной речевой тактики, также влияют на выбор реализующих ее языковых средств. В то же время, одна и та же тактика часто имеет специфическое речевое воплощение у каждого коммуниканта, подчеркивая особенности отдельных поддискурсов. Проиллюстрируем это наблюдение на примере реализации одной из наиболее характерных тактик предвыборного дискурса – *тактики обещания*, относящейся к агитационной стратегии [4].

В предвыборном дискурсе анализируемой тактике отводится роль ориентира, помогающего избирателям сформировать электоральное решение на основании оценки и сопоставления программных обещаний коммуникантов, что предполагает употребление глагольных форм будущего времени и лексем с семантикой обещания. Однако анализ фактического материала исследования позволил отметить интересную закономерность: в речевых произведениях коммуникантов лексические единицы со значением обещания используются только применительно к программным заявлениям оппонентов; о собственных планах политики предпочитают говорить как о программных шагах ближайшей перспективы. На наш взгляд, подобное единодушное субъектов предвыборного дискурса не случайно: такой подход к реализации тактики обещания можно расценивать как стратегический прием, обладающий манипулятивным потенциалом и убеждающий избирателей в том, что все пункты предвыборной программы

кандидата будут обязательно выполнены в случае, если избиратели проголосуют именно за него. Тем не менее, в каждом отдельном случае нам удалось выявить специфические особенности актуализации данной тактики [4].

В американском предвыборном дискурсе языковыми маркерами тактики обещания являются лексические единицы со значением обещания (“*promise*”) и предложения условного типа (*if*):

The basic American promise that if you worked hard, you could do well enough to raise a family, own a home, send your kids to college, and put a little away for retirement... [2]

Особого внимания заслуживает тот факт, что для введения условных придаточных предложений коммуниканты используют союз “*when*” / “*когда*”, а не союз “*if*” / “*если*”, что, на наш взгляд, в большей степени соответствует анализируемой коммуникативной ситуации. В то же время подобное грамматическое решение можно рассматривать и как еще один способ имплицитного воздействия на сознание адресата:

And when I'm president, I will go line by line to make sure that we are not spending money unwisely [1].

Дальнейшее изучение различных стратегий, а также реализующихся на их фоне тактик политического дискурса представляет широкую перспективу, так как манипулятивная составляющая данного вида профессионального дискурса есть основной целью политиков, как в нашей стране, так и за рубежом.

Литература

1. Иссерс О.С. Речевое воздействие в аспекте когнитивных категорий [Текст] / О.С. Иссерс // Вестник Омск. ун-та. – 1999/ – Вып. 1. – С. 74–79.
2. Михалёва О.Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия / О.Л. Михалёва – М. : Книжный дом “ЛИБРОКОМ”, 2009.
3. Паршина О.Н. Российская политическая речь: теория и практика / О.Н. Паршина ; под ред. О.Б. Сиротининой. – [Изд. 2-е, испр. и доп.]. – М. : ЛКИ, 2007.
4. Халатян А.Б. Предвыборный дискурс: жанровое своеобразие и специфика языкового воплощения (на материале текстов предвыборных кампаний 2008 года в России и США): автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / А.Б. Халатян. – Ставрополь, 2011. – 22 с.

Список источников иллюстративного материала

1. 1st Presidential Debate Barack Obama-John McCain Oxford, MS, September 26, 2008. – Режим доступа : <http://www.clipsandcomment.com/2008/09/26/full-transcript-first-presidential-debatebarack-obama-john-mccainoxford-ms-september-26-2008/>
2. Transcript: President Obama 2013 inaugural address. – Режим доступа : <http://www.washingtonpost.com/blogs/wonkblog/wp/2013/01/21/transcript-president-obama-2013-inaugural-address/>
3. Transcript of second McCain, Obama debate McCain, Obama face off in town-hall style debate. – Режим доступа : <http://www.findingdulcinea.com/news/politics/September-October-08/Obama-and-McCain-Face-Off-in-Town-Hall-Style-Debate.html>

ПЕСЕННЫЙ ДИСКУРС: ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ СОСТАВЛЯЮЩИХ

И.В. Рябенская (Харьков)

Песенный дискурс в рамках национальной культуры [3, с. 7], является сложным для анализа объектом лингвистических исследований [3; 4]. Трудность изучения песенных текстов состоит в том, что они представляют собой сложное единство музыкального и вербального компонентов [3, с. 3]. Подобно лирической поэзии, песня (в том числе рок-песня) фокусируется на отражении и передаче реципиенту чувств и эмоций лирического героя, как правило, по поводу нюансов любовных взаимоотношений. Современная рок-песня также обладает чрезвычайно мощным потенциалом воздействия на аудиторию. Роль текста состоит в том, чтобы конкретизировать эмоционально-чувственный компонент, повествуя историю или детали истории, обычно любовной, типовые коллизии которой знакомы практически каждому человеку (нарративный текст), сообщая о мнениях, оценках и суждениях автора (аргументативный текст) [3, с. 6]. В современной англоязычной рок-музыке обычно автор и исполнитель – одно лицо, что способствует сокращению дистанции между автором текста и аудиторией, поскольку исполнитель является посредником, и только он понимает, как следует донести свое произведение до аудитории, чтобы его восприняли именно так, как считает нужным исполнитель. Другой важный аспект состоит в том, что современная песня, особенно рок-пес-

ня, одно из наиболее эффективных средств реализации функции, свойственной музыке – быть средством достижения эмоционального баланса с окружающим миром [3, с. 6].

Несмотря на доминирование музыкального компонента в песне, вербальный и мелодический компонент неразрывно связаны, особенно структурно. Мелодический компонент организует восприятие всего текста песни, позволяя вербальному компоненту исполнять роль стихотворного текста, не достигая уровня поэзии. Последняя в песне представляется излишней, т.к. ритмика (основное свойство рок-песни) призвана вызвать у аудитории эмоциональный транс, при котором текст воспринимается слабо или не воспринимается вообще. Так, мелодический компонент готовит реципиента к восприятию вербального компонента на ином, более эмоционально-чувственном, нежели рационально-аналитическом уровне [3, с. 19].

С одной стороны, песенный текст является одним из видов креолизованных текстов, где в структурировании наряду с вербальными применяются средства других семиотических кодов [1], письменной или устной формы и музыки, когда текст является продуктом социально и ситуативно обусловленной коммуникации и находится под влиянием экстралингвистических параметров ситуации общения [5, с. 242]. С другой стороны, песня (в том числе песня в англоязычном песенном рок-дискурсе) может представлять собой текст с частичной креолизацией, поскольку её компоненты могут существовать автономно: тексты некоторых рок-поэтов издаются как поэтические сборники, а мелодии песен могут исполняться как инструментальные произведения. Поскольку основным способом оказания эмоционально-чувственного эффекта является мелодический компонент, вербальный компонент часто изобилует шероховатостями и повторами, не вполне “поэтическими” выражениями и оборотами, и интерпретируется однозначно, что не типично для истинной поэзии [6, с. 7]. Именно мелодический компонент заставляет реципиента эмоционально прочувствовать содержание вербального компонента.

Роль вербального компонента песни, таким образом – конкретизировать и “информатизировать” сообщение. Среди подавляющего большинства нарративных текстов песенного дискурса лежат типовые скрипты: возлюбленная покидает возлюбленного (или наоборот), возлюбленные по какой-то причине не могут воссоединиться, меж-

ду возлюбленными утрачено взаимопонимание и т.д.: (1) *It's been so long now and it seems that / It was only yesterday / Mmm, ain't it funny how time slips away / How's your new love, / I hope that he's doin' fine (E. Presley)*; (2) *They say that time / Heals a broken heart / But time has stood still / Since we've been apart (E. Presley)*; (3) *Oh, my love, my darling / I've hungered for your touch, a long lonely time / And time goes by, so slowly and time can do so much / Are you still mine? (E. Presley)*. Взаимодействуя друг с другом, вербальный и невербальный компоненты обеспечивают целостность и связность произведения, его коммуникативный эффект [2, с. 154].

Говоря о параметрах связности мелодического и вербального компонентов, необходимо также отметить, что тексты о неразделённой любви чаще положены на минорную музыку, а тексты о счастливой любви – на мажорную. Перспективой исследования является выделение четких маркеров минорной и мажорной музыки в текстах.

Литература

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) : учеб. пособие для студентов вузов / Е.Е. Анисимова. – М. : Academia, 2003. – 122 с.
2. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке : учеб. пособие для студ. вузов, обуч. по филол. направлениям и специальностям / Н.С. Валгина. – М. : Логос, 2001. – 304 с.
3. Плотницкий Ю.Е. Лингвостилистические и лингвокультурные характеристики англоязычного песенного дискурса : автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. филол. наук : спец. 10.02.04 “Германские языки” / Ю.Е. Плотницкий. – Самара, 2005. – 21 с.
4. Шевченко О.В. Лингвосомиотика молодежного песенного дискурса : автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. филол. наук : спец. 10.02.04 “Германские языки” / О.В. Шевченко. – Волгоград, 2009. – 20 с.
5. Шевченко О.В. Тематическое своеобразие песенных текстов как способ реализации функций жанров песенного дискурса / О.В. Шевченко // Известия Росс. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена : научный журнал. – № 115. – СПб. : ООО “Книжный дом”, 2009. – С. 242–249.
6. Widdowson H.G. Practical Stylistics: An Approach to Poetry / H.G. Widdowson // Oxford : Oxford University Press, 1992.

Источники иллюстративного материала

Lyrics: Elvis Presley [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://lyrics.rockmagic.net/>

**ХАРАКТЕРИСТИКА ФОРМАЛЬНИХ
ЖАНРОВИХ ЕЛЕМЕНТІВ
МОНОЛОГІЧНОГО БЛОКУ
АМЕРИКАНСЬКОЇ АКАДЕМІЧНОЇ ЛЕКЦІЇ**

Л.М. Рябих (Харьков)

Американська академічна лекція (ААЛ) як жанр академічного дискурсу формується сукупністю елементів, котра може бути подана як матриця, причому в жанрових реалізаціях одні комірки можуть бути заповнені, тоді як інші залишатимуться порожніми [4].

Виходячи з цього, ми з'ясуємо увесь потенціал жанрових елементів ААЛ та встановлюємо їх наявність в усіх або частині проаналізованих реалізацій, а також виявляємо чинники впливу на наявність та типовість певних елементів.

Метою цього етапу роботи є вивчення формальних жанрових елементів ААЛ. Хоча аналіз засвідчив, що форма взаємодії під час лекції не є виключно вербальною [2], використання аудіовізуальних та інших засобів навчання є, безперечно, другорядним, тоді як основна роль належить саме вербальній формі взаємодії.

Вербальна взаємодія в ААЛ має переважно форму монолога, хоча наявні й елементи діалогу [3]. Це дає підстави розрізняти монологічний та діалогічний блок. Елементи монологічного блоку подані в основному *стандартними синтаксичними структурами* (реченнями розповідної, спонукальної структури: простими, складносурядними, складнопідрядними). Також монологічний блок представлений *нестандартними елементами*, до якого зокрема входять експлікаційні моделі, що визначаються як “формально надлишкові конструкції, які характеризуються надмірністю плану змісту і подані двома типами: розчленуванням синтаксичної структури висловлення та розширенням синтаксичної структури висловлення [1, с. 33].

У монологічному блоці ААЛ до експлікаційних моделей розчленування синтаксичної структури належать моделі з розчленуванням синтаксичної структури складнопідрядного та складносурядного речення.

У той же час, до експлікаційних моделей розширення синтаксичної структури висловлення, зафіксованих у монологічному блоці ААЛ, належать моделі із розширенням синтаксичної структури складно-

сурядного речення; моделі з розширенням синтаксичної структури складнопідрядного речення; плеонастичні елементи (повтори, апелятивні елементи, перифрастичні твердження, експлетиви).

Також нестандартні елементи представлені неповними реченнями (еліптичними та номінативними), псевдодіалогічними елементами, перерваними та незавершеними реченнями.

В усіх реалізаціях жанру ААЛ зафіксовані стандартні та нестандартні елементи, але стандартні елементи мають найбільшу питому вагу в усіх реалізаціях жанру ААЛ (біля 65%), тоді як нестандартні елементи загалом складають 35%. Причому, їхня питома вага є дещо більшою в лекціях з гуманітарних дисциплін та варіюється у лекціях різних викладачів. Водночас, кількісні дані представляють результати пілотного дослідження і в поточний момент перевіряються, унаслідок чого можуть зазнати змін.

Література

1. Павленко Л.И. Синтаксические и функционально-семантические характеристики экспликационных моделей в английской разговорной речи : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Павленко Лариса Ивановна. – Харьков, 2004. – 223 с.
2. Рябих Л.М. Особливості надвербальних компонентів комунікації в англомовному академічному спілкуванні / Л.М. Рябих // Тези доп. 4 Всеукр. наук.-метод. конф. – Харків, 2011. – С. 155–156.
3. Сушкова Н. Усний англомовний академічний дискурс: структура, семантика та прагматика [Електронний ресурс] / Н. Сушкова // Humanities& SocialSciences. – 2009. – Режим доступу до журн. : <http://ena.lp.edu.ua>
4. Яхонтова Т.В. Лінгвістична генетика наукової комунікації : монографія / Т.В. Яхонтова. – Л. : Видавничий центр ЛНУ ім. І. Франка, 2009. – 420 с.

АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ ТРАНСФОРМАЦИИ

И.А. Семёнкина (Харьков)

Юристы используют язык в соответствии со специфическими потребностями своей профессиональной деятельности. Так как юридические документы всегда становятся объектом интерпретации,

конечной целью является создание документов с максимальной точностью и ясностью изложения. Однако попытки разработки документов, исключая какую-либо двусмысленность, часто приводили к противоположным результатам. Англоязычные законо(нормо)творцы фактически создали искусственный язык, непонятный для рядовых людей. Вследствие идиосинкразического характера некоторых типов английских юридических документов, они являются доступными для понимания только высококвалифицированным специалистам в области права. Абсурдность формулировок часто вызывает недоумение даже у вполне образованных носителей языка:

e.g.1) *References in these Regulations to a regulation are references to a regulation in these Regulations and references to a Schedule are references to a Schedule to these Regulations.*’ (Statutory Instrument 1991 No 2680, The Public Works Contracts Regulations 1991, Part 1, 2.4, page 4).

2) *‘Any reference to a specific statute include any statutory extension or modification amendment or re-enactment of such statute and any regulations or orders made under such statute and any general reference to “statute” or “statutes” include any regulations or orders made under such statute or statutes.’* (Paragraph within a letter from a solicitors firm) [7].

Так называемый “legalese” часто подвергался критике за излишнюю сложность для понимания: И. Бентам, Д.Свифт, Ч. Диккенс, Т. Джефферсон – это только некоторые наиболее прославленные авторы, которые резко осуждали юридическую профессию в отношении ее специфического языка. И. Бентам, в частности, для описания языка юристов использовал крайне нелицеприятные выражения – “excrementitious matter” и “literary garbage” [1]. Он неоднократно выступал в пользу кодификации законов. Статьи кодексов должны быть достаточно кратким для запоминания простыми людьми и написаны четко, обеспечивая точное понимание идеи законодателей. Бентам утверждал, что понятный юридический язык является важнейшим условием эффективной государственной власти. *“Until, therefore, the nomenclature and language of law shall be improved, the great end of good government cannot be fully attained”* [1].

Как и любой другой регистр, юридический английский язык претерпевает изменения. Ведущие юристы понимали, что интересы

клиентов являются главным приоритетом в юридической профессии, поэтому подчеркивали необходимость реформирования языка с целью сделать запутанный, туманный язык юридической сферы простым и понятным.

Своеобразным катализатором реформирования юридического английского выступила публикация ставшей уже классической книги Д. Меллинкоффа “Язык и закон”(1963), в которой автор предложил глубокий анализ “пороков” языка юридических документов и объявил войну “античному хламу” юридического жаргона[6]. Crystal, and Davy (1969) [3] and Gustafsson (1975) [4] опубликовали работы с детальным анализом стиля, синтаксиса и терминологии юридического английского. Позднее Bhatia (1993) [2] and Trosborg (1997) [8] включили в свои исследования дискурсный и жанровый анализ юридических текстов, акцентируя лексико-грамматические и риторические характеристики. В начале 21 века Haigh 2004 [5]; Schneidereit 2004 [9]; Williams 2004 [10] не только изучали лингвистические характеристики юридического дискурса, но и также выступали с конкретными предложениями с целью его усовершенствования.

В 1979 Cutts и С. Maher инициировали в Англии кампанию в поддержку упрощения английского (the Plain English Campaign), а в 1994 году была учреждена специальная комиссия (the Plain English Commission). Результатом всех этих мероприятий стала разработка законодательства на так называемом простом английском; революционные изменения произошли в формулярах, бланках, и других документах, используемых в судопроизводстве.

Отдельные робкие попытки введения мер для упрощения юридического языка, прежде всего в сфере потребительского права были инициированы федеральным правительством в первой половине 20 века в США. Первым конкретным примером реализации тенденции к упрощению языка в правовой сфере стал выданный в 1973 году простой вексель корпорации Citybank, в котором отсутствовала традиционная жаргонная терминология. Эта инициатива оказалась настолько успешной среди населения и СМИ, что вскоре ее поддержали другие финансовые учреждения.

В 1978 году президент Д.Картер подписал указ, которые требовал, чтобы нормы федерального права были максимально простыми. В том же году в штате Нью-Йорк был введен в действие гене-

ральный план реформирования языка. К этому движению присоединились впоследствии и другие штаты.

Среди предложений по модернизации юридического английского можно выделить следующие: 1) Замена архаичных, редко употребляемых и иностранных терминов на понятия общеупотребительные. Сторонники “теории заговора” убеждены, что юристы умышленно используют маловразумительные термины, так как такой прием обуславливает необходимость в услугах юристов. 2) Устранение лишних слов и выражений. 3) Сокращение длины предложений. 4) Сокращение субстантивации. 5) Уменьшение частотности употребления пассивного залога. Подобные трансформации можно наблюдать на следующем примере: (*Before*) *The department is required to make savings of J13m next year and this objective will be achieved by efficiency savings. An evaluation of cash collection methods and procedures and identification of potential savings in this area have been conducted by senior management and determined to be part of this overall process.* (*After*) *We must save J13m next year and will do so by improving efficiency. Senior managers have studied our cash-collection methods and found them to be a possible source of savings [3].*

Хотя критика юридического языка является во многом оправданной, осторожность и сдержанность юристов в реформировании языка не может быть сведена исключительно к эгоистичному желанию сохранить “таинственность” юридических текстов. Вероятно, законодотворцам следует создавать документы более понятные рядовым гражданам, однако не за счет утраты точности, что было бы еще более пагубно для тех самых граждан, которых правовые нормы должны защищать.

Литература

1. Bentham J. An Introduction to the Principles of Morals and Legislation [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://utilitarianism.net/bentham/>
2. Bhatia V. K Analysing Genre – Language Use in Professional Settings / Vijay K. Bhatia. – London: Applied Linguistics and Language Study Series, Longman, 1993. – 257 p.
2. Clear English Standard [Электронный ресурс] – Режим доступа : www.clearest.co.uk
3. Crystal D. Investigating English Style / D. Crystal, D. Davy. – London : Longman, 1969. – 240 p.

4. Gustafsson M. Some Syntactic Properties of English Law Language / M. Gustafsson. – Turku : Publications of the Department of English 4, University of Turku, 1975. – 157 p.
5. Haigh R. Legal English / R. Haigh. – London : Cavendish Publishing Limited, 2004. – 343 p.
6. Mellinkoff D. The Language of the Law / D. Mellinkoff. – Boston : Little Brown and Company, 1963. – 526 p.
7. Plain English Campaign [Электронный ресурс] – Режим доступа : www.plainenglish.co.uk
8. Trosborg A. Rhetorical Strategies in Legal Language: Discourse Analysis of Statutes and Contracts / A. Trosborg. – Tübingen : Günter Narr Verlag, 1997. – 284 p.
9. Schneiderei G. Legal Language as a Special Language: Structural Features of English Legal Language / G. Schneiderei. – Germany : Grin Verlag, 2004. – 320 p.
10. Williams C. Legal English and Plain Language: an introduction / C. Williams // ESP Across Cultures 1, 2004. – P. 111–124.

**ИЗ ОПЫТА СОЗДАНИЯ
ЭЛЕКТРОННОГО МЕДИАСЛОВАРЯ
МЕДИЦИНСКИХ ТЕРМИНОВ
ДЛЯ ПОДГОТОВКИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-
МЕДИКОВ К КЛИНИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ**

Т.А. Скрябина, А.А. Сторчеус (Луганск)

Эффективность применения методики преподавания русского языка как иностранного (РКИ), определяется целями, задачами и условиями обучения. [1, с. 189].

Основной целью изучения студентами-медиками русского языка как иностранного является использование его в учебно-профессиональной сфере. Задача преподавателя РКИ заключается в обучении студентов научному стилю речи для обеспечения их профессионально-ориентированной коммуникации в условиях прохождения клинической практики.

Уровень профессиональных знаний, а также сформированность коммуникативной компетенции специалиста-медика наиболее ярко проявляются при сборе анамнеза и общении с пациентом, так как

от полноты расспроса пациента зависит ясность картины заболевания и успешность последующего лечения.

В связи с этим наибольшее количество времени на занятиях по РКИ при изучении любой грамматической темы отводится подготовке к общению “врач-пациент”. Особого внимания требует формирование у иностранных студентов профессионального тезауруса, а также формирование у них навыков продуцирования собственных речевых высказываний на профессиональные темы, что в свою очередь обуславливает потребность в создании профессионально-ориентированных пособий по русскому языку для обеспечения нужд иностранных студентов медицинских специальностей.

Таким образом перед коллективом кафедры украинского и русского языков Луганского государственного медицинского университета стала задача создания терминологического словаря, направленного на формирование терминологической базы у студентов-медиков.

Основным для создания профессионально-ориентированного методического пособия для иностранных студентов, на наш взгляд, представляется сознательно-практический метод, лингводидактическая концепция которого базируется на взглядах Л.В. Щербы, ставящий во главу угла практический путь обучения языку посредством осознания учащимися лексико-грамматических единиц, которые усваиваются в процессе речевой практики. Объектом обучения при практической направленности учебного процесса, в основе которого лежит сознательно-практический метод, являются такие языковые средства, которые дают возможность учащимся применять полученные знания для выражения собственных мыслей [1, с. 191].

Содержание словаря отобрано и представлено в соответствии с вышеизложенными принципами, что обуславливает а) доступность языкового материала для его усвоения; б) достаточность для построения высказываний в пределах тем и ситуаций профессионального общения; в) коммуникативность и высокую мотивированность обучения, т.к. позволяет студентам выйти на уровень профессиональной коммуникации; г) открытость, т. е. возможность расширения ранее изученного материала в соответствии с потребностями учащихся.

В настоящее время наблюдается тенденция внедрения информационных технологий и использования интерактивных учебных материалов и мультимедиа-контента в учебном процессе. Это во многом обусловлено тем, что, как известно, большая часть людей лучше воспринимает информацию зрительно, а если эта информация представлена с использованием наглядных диаграмм, рисунков, видеоматериалов и тому подобного материала, то усвояемость информации повышается в разы, вследствие чего повышается успеваемость студентов [3, с. 19]. В связи с этим нами была выбрана форма электронного мультимедийного словаря как средства формирования комплексной аудио-визуальной рабочей среды.

Ценность мультимедийного методического пособия как носителя информации заключается в том, что оно располагает рядом специфических черт, обуславливающих высокую эффективность и продуктивность работы с ним, таких как: интерактивность – использование экранного меню, выбор объектов, ввод запросов или команд с клавиатуры; коммуникативность, обусловленная главным образом эффектами непосредственного оперативного представления информации в режиме реального времени; мультимедийность (“многосредность”) – использование фото- и видеоизображений, графики, анимации, звука. Особенность и преимущество мультимедиа по сравнению с текстовой или аудиальной средой – существенно более высокая информационная плотность, что позволяет значительно расширить объем усваиваемой учащимися информации.

Дидактический материал, представленный в электронной форме с элементами компьютерной графики и мультимедиа, вызывает у обучаемых соответствующий интерес, повышает мотивацию к самостоятельной работе, т.к. при работе с таким электронным образовательным пособием активизируется когнитивная деятельность обучаемого: усиливается концентрация и интенсивность внимания, обостряется чувствительность и наблюдательность, повышается готовность памяти к восприятию учебного материала [2, с. 4].

Использование данного пособия предполагает развитие у иностранных студентов-медиков навыков самостоятельной работы над изучением языка, углублением профессиональных знаний, совершенствование их коммуникативной и информационной культуры, что, в конечном итоге, подразумевает более эффективное овла-

дение русским языком как средством профессионального общения и формирование профессиональной коммуникативной компетенции.

Основными методическими принципами при создании медиасловаря медицинских терминов были как принципы, учитывающие особенности профессионально ориентированного обучения специалистов (профессиональной направленности, опоры на профессиональный опыт обучаемых, максимального приближения условий обучения к условиям профессиональной деятельности), так и принципы, учитывающие особенности автономного компьютерного обучения (автономности, интерактивности).

Таким образом использование возможностей словаря позволяет значительно интенсифицировать процесс подготовки иностранных студентов-медиков к прохождению клинической практики.

Литература

1. Антонова И.А. О методических принципах создания профессионально-ориентированного пособия по русскому языку для иностранных учащихся / И.А. Антонова, И.А. Христиансен // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. ; отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М. : МАКС Пресс, 2003. – Вып. 25. – 200 с.
2. Беляев М.И. Из опыта создания электронных учебников [Электронный ресурс] / М.И. Беляев // Вестник РУДН. Серия: Информатизация образования. – 2009. – № 1. – Режим доступа : imp.rudn.ru/vestnik/2009/2009_1/3.pdf
3. Теория и практика создания образовательных электронных изданий. – М. : Изд-во РУДН, 2003. – 241 с.

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА *БИЗНЕСМЕН*

И.Р. Сапрун, Н.Н. Старцева (Харьков)

Существуют различные подходы к исследованию структуры и сущности концепта. Концепт БИЗНЕСМЕН находит яркую репрезентацию в современном английском языке, обладает высоким уровнем лексической и жанровой дифференциации. Накопленные языковым сообществом знания о субъекте бизнес деятельности – бизнесмене четко структурированы в современном английском языковом сознании и многообразно отражаются в английском языке.

Несмотря на многочисленные толкования концепта, исследователи едины во мнении, что концепт – это условная ментальная структура. Представители лингвокогнитивного направления, в частности онтологического подхода к исследованию концепта, зарубежные исследователи Р. Джекендофф, Р. Леннекер, Дж. Лакофф и М. Джонсон, Л. Талми, Ч. Филлмор, Ж. Фоконье, а также отечественные лингвисты Е.С. Кубрякова, Н. Н. Болдырев, В.З. Демьянков, Р.М. Фрумкина, С.А. Жаботинская понимают под концептом единицу ментальных или психических ресурсов нашего сознания и ту информационную структуру, которая отражает знания и опыт человека; оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике. С. А. Жаботинская подчеркивает, что концепт – это единица, строительный материал в структурировании концептуальных пространств, сфер, доменов, которые упорядочиваются, структурируются с помощью сети.

Основоположники семантико-психологического подхода, З.Д. Попова и И.А. Стернин и указывают на то, что мы мыслим концептами, – “мышление есть оперирование концептами как глобальными единицами структурированного знания”.

Представители лингвокультурологического направления С.Г. Воркачев, Ю.С. Степанов, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин рассматривают и анализируют концепт как единицу культуры. По мнению Ю.С. Степанова, концепт – это сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. С другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее.

Представители когнитивно-дискурсивного направления исследования концепта И.С. Шевченко, Е.И. Морозова, Л.Р. Безуглая, Е.В. Бондаренко, А.П. Мартынюк, И.Е. Фролова, “рассматривают концепт через его бытование в дискурсе, где синтезируются когнитивный и коммуникативный планы. Этот подход синтезирует элементы лингвокультурологической и семантико-когнитивной трактовки лексически выраженных концептов, рассматривая концепт сквозь призму его дискурсивного функционирования”.

Как отмечает Н.Д. Арутюнова, человек “получает в языке множество различных обозначений. Он может быть назван по своим

общественным функциям, взглядам, моральному облику, нравственным склонностям и вкусам, по своим поступкам и поведению, семейному статусу, родственным связям, внешнему виду, участию в тех или иных событиях и происшествиях, отношению к нему говорящего и многому другому”.

Представители английского социума видят современного бизнесмена как человека отличающегося прагматичностью, предприимчивостью, расчётливостью, коммерческой хваткой, решительностью, силой воли, умением рисковать, практичностью. Анализ словарных дефиниций показывает, что бизнесмен представлен как представитель экономической профессии, занимающийся любым видом экономической деятельности, приносящей прибыль, и обладающий необходимыми финансовыми средствами. В содержании данного концепта можно выделить следующие признаки: 1) способность заниматься куплей-продажей, руководить экономической деятельностью, в том числе других субъектов-участников бизнес процессов, 2) занятие высших должностных позиций, 3) высокое материальное положение. Субъект-бизнесмен – это 1) деятель, создатель 2) торговец 3) руководитель. В семантике слова заложено прежде всего понятие профессии. Именно эти черты и признаки находят отражение в многочисленных наименованиях концепта БИЗНЕСМЕН.

Лексические манифестации концепта БИЗНЕСМЕН в английском языке разнообразны и не всегда однозначны. Субъект-организатор бизнес деятельности представлен широким рядом лексем, словосочетаний, фразеологизмов, используемых как в прямых, так и в переносных значениях. Слово бизнесмен является доминантой синонимического ряда, который оно образует.

По своим доходам, размаху деятельности, положению в обществе и роли в бизнесе, бизнесмены делятся на представителей крупного бизнеса, владельцев, собственников, а также на представителей среднего и малого бизнеса, и просто исполнителей. В отдельную группу можно выделить тех “дельцов”, которые характеризуются нечестной манерой ведения бизнеса (здесь актуализируется оппозиция “честно – нечестно вести бизнес”).

Лексема *бизнесмен* в контексте английской культуры, а также в лексической системе языка и в системе речи семантически обогащается. По мнению О.Ю. Богуславской, возможны разные режимы

употребления лексемы или контексты (дискурсы). Данная лексема может быть как стилистически нейтральной, так и стилистически окрашенной. Если субъект бизнеса совершает некоторое действие, которое, по мнению наблюдающих, не нарушает норм этики, то оценочная характеристика имени данного субъекта – бизнесмена является позитивной или нейтральной (*businessman, entrepreneur, owner, executive, financier*). Если же бизнес-субъект скрывает свои истинные цели, средства, методы ведения дел, размеры бизнеса и размеры доходов, равно как и степень влиятельности, его оценка со стороны социума отрицательная (*wheeler-dealer, baron, big wheel, big-time operator, career person*).

Частотность употребления различных номинаций концепта БИЗНЕСМЕН определяется и жанровой проекцией соответствующих моделей мира, различиями в ценностных установках, наборах ситуаций, реализуемых в текстовых фрагментах. В публицистике, в авторитетных интернет-изданиях высока частотность лексем синонимов *businessman – entrepreneur, owner, stockholder, millionaire* и других, свидетельствующих об официальном статусе называемого лица, о высоком материальном положении, о принадлежности к определенной социальной группе. В художественном тексте используются номинации *tycoon, magnate, boss, banker, foreman, supervisor*, и другие, акцентирующие внимание на крупном масштабе деятельности, богатстве, обладании властью. Яркие и эмоционально-окрашенные номинативные единицы характерны для разговорной речи: *the boss, top cat, heavyweight, gray flannel suit, honcho, etc.*

Отдельные лексемы и словосочетания, фразеологизмы, имеющие значение “субъект бизнес деятельности – бизнесмен” задают некоторую раздраженно-грубоватую тональность речи, указывая на определенную параметрическую характеристику субъекта, его действия, в частности, характеризуют его действия по интенсивности. Данные номинации используются, по мнению М.Я. Гловинской, гиперболически, что может создавать как комический эффект, так и “обидность” для адресата (*big wheel, big shot, big gun, big timer, bigwig, big fish*). В них используется скрытая или имплицитная гипербола в отличие от прямого оскорбления.

В системе бизнес ценностей бизнесмена деньги и власть занимают главное место. Понятие состоятельность, являющееся

неотъемлемой чертой характеристики бизнесмена, выражают фразеологизмы, основной семантический признак которых “иметь большое количество денег”, “жить в достатке”. Однако некоторые из этих фразеологизмов обладают отрицательной оценочной коннотацией, что объясняется присутствием в них семантического значения “достигнуть материального достатка с помощью ухищрений”, “вести паразитический образ жизни”. Часть из них имеет ярко выраженную экспрессивную окраску: грубо-просторечную, грубо-фамильярную, разговорную.

В зависимости от контекстуального оформления, оценки денотата, стилистической принадлежности текста исследуемый концепт номинируется разнообразными лексемами, выбор которых в современном английском языке очень широк. При номинации концепта БИЗНЕСМЕН важную роль играют индивидуальные представления различных носителей языка, представителей разных социальных групп, возрастных групп. Чрезвычайная активность слова бизнесмен свидетельствует о расширении его семантики и сочетаемостных возможностей, что свидетельствует о том, что данный концепт является чрезвычайно значимым в современном английском языковом сознании.

СТРАТЕГІЇ Й ТАКТИКИ АНГЛОМОВНОГО ДИПЛОМАТИЧНОГО ДИСКУРСУ

Ю.В. Судус (Івано-Франківськ)

Проблема вивчення стратегій мовця в дипломатичному дискурсі особливо виявляє свою актуальність у період сьогодення, оскільки наш час характеризують військові конфлікти, соціально-політичні заворушення, інформаційні й торговельні війни тощо. Отже, актуальність дослідження зумовлена необхідністю когнітивного й психолінгвістичного аналізу дискурсу, вивченням особливостей структуривання й застосування мовцем конкретних стратегій реалізації дискурсивних категорій, що характеризується актуальністю для сучасних мовознавчих студій англomовного дипломатичного дискурсу. Об'єктом дослідження є англomовний дипломатичний дискурс США. Предметом вивчення є лінгвальні маркери реалізації дискурсивних стратегій англomовного дипломата.

З позицій соціолінгвістики всі типи дискурсів прийнято умовно поділяти на дві групи: групу персональних (особистісно-орієнтованих) і групу інституціональних (статусно-рольових) дискурсів. Згідно із запропонованою В.І. Карасиком типологією, дипломатичний дискурс поряд з адміністративним, юридичним, медичним, політичним дискурсами слід відносити до групи інституціональних дискурсів [2, с. 5–20]. Основу дипломатичного дискурсу становлять перемовини, під якими в загальному сенсі розуміють “обмін думками з якоюсь діловою метою” [4, с. 405]. Дипломатичний дискурс, який розглядають як породження інститутів дипломатії та міжнародного спілкування [3, с. 3], є стійкою системою статусно-рольових відносин, що склалися в комунікативному просторі соціального інституту дипломатії. Ядром інституційного дискурсу є спілкування базової пари учасників комунікації: адресант повідомлення – породжує і відправляє усне/письмове повідомлення, адресат повідомлення – слухає/читає і декодує повідомлення. У дипломатичному дискурсі в ролі адресанта виступає представник інституту дипломатії (професійні дипломати – посадові особи зовнішньополітичного відомства), або представники політичних кіл держави (глави держав та урядів, спеціальних органів), залучені в процес реалізації зовнішньої політики держави, захисту її прав та інтересів за кордоном.

Адресатом дипломатичного дискурсу є представник того ж інституту дипломатії, або іншого інституту (наприклад, при контакті дипломата з бізнесменами, ЗМІ, науково-технічною інтелігенцією, діями вищої школи, культури і мистецтва, адресатом є представники відповідних інститутів) або представник суспільства в цілому стосовно представників інституту (прикладом може служити робота консульської служби, покликана захищати за кордоном права та інтереси громадян держави, сприяти розвиткові дружніх відносин з країною перебування). Дипломатичний дискурс зобов’язує учасників комунікації виявляти себе не окремою особистістю, а представником інституту, що володіє певним соціальним статусом [8].

Для того, щоб реалізувати стратегії впливу на адресата дипломат (відправник) використовує особливі мовні тактики. Під дискурсивною стратегією розуміємо когнітивно-прагматичну програму спілкування, що ґрунтується на його мотивах, передбачаючи розподіл реалізації комунікативних актів у дискурсі. Тактика ж є способом реалі-

зації стратегії на певному етапі комунікації в межах одного мовленнєвого ходу [1, с. 35–36].

Дослідивши тексти промов дипломатів США ми можемо стверджувати, що всі вони написані з використанням так званої метамоделі НЛП Р. Бендлера та Дж. Гріндера [5, с. 40–46]. За основу ми взяли промову нинішнього держсекретаря США Джона Керрі 30 серпня 2013 року щодо подій у Сирії [7], проаналізували її з метою визначення стратегій і тактик дипломатичного дискурсу. Ми визначили, що промова містить стратегії маніпуляції через використання тактик опущення, викривлення та генералізації інформації [6].

У тексті промови використано велику кількість тактик, що належать до групи прийомів викривлення інформації. Так, прикладами пресупозиції в тексті є: *if Syria can get away with it, if we choose to live in the world, if nothing is done, if the world speaks out in condemnation, if we turned a blind eye to a dictator's wanton use of weapons, etc.* Подальші висловлювання є прикладами тактики “читання думок”: *I know that consultation is the right way, we know that the Assad regime has the largest chemical weapons, we know that the regime has used those weapons multiple times, we know that the regime was specifically determined, we know that these were specific instructions, with our own eyes we have seen, we know, as does the world, that just 90 minutes later all hell broke loose in the social media, believe me etc.* У промові дипломата наявна також тактика прихованих інструкцій: *but we need to ask, “What is the risk of doing nothing?”*, etc.

Ми також знайшли приклади опущення інформації, які представлені шляхом уведення іменників абстрактної семантики (*our condemnation, our will, our own decisions, our own timelines, based on our values and our interests, our responsibility, our country, etc.*) та дієслів (*know will only be released, be discovered, be used again, will be limited, etc.*), номіналізації (*getting there. taking action, asking you, making preparations, etc.*), вживання порівняльних конструкцій (*more than mindful of the Iraq experience, the largest chemical weapons, smaller scale, greater risk, etc.*). Дипломат також удається до тактики узагальнення: *so important, high confidence* (підсилення); *it has to be political, it has to happen, people need to know* (модальні оператори); *everyone, all of you, the same fate, etc.* (універсальні квантифікатори).

Отже можна зробити висновок, що стратегії дипломатичного дискурсу мають свої особливості, реалізовані розмаїттям тактик. Найпоширеніші використовують мовці з метою впливу та навіювання, що є, на нашу думку, одною з ключових особливостей реалізації дискурсивних стратегій англомовного дипломата й предметом подальшого наукового дослідження.

Литература

1. Безугла Л.Р. Лінгвопрагматика дискримінації у публіцистичному дискурсі : [монографія] / Л.Р. Безугла, І.О. Романченко. – Харків : ФОРМ Лисенко І.Б., 2013. – 182 с.
2. Карасик В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 5–20.
3. Кашишин Н.Є. Генеза та функціонування терміносистеми англомовного дипломатичного дискурсу [текст] : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 “Германські мови” / Наталія Євгенівна Кашишин. – Львів : ЛНУ ім. Івана Франка, 2013. – 20 с.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка ; под ред. Н.Ю. Шведовой. – М. : Рус. яз., 1988. – С. 405.
5. Bandler R. The Structure of Magic / R. Bandler, J. Grinder. – Palo Alto, CA: Science & Behavior Books, 1975. – 225 p.
6. Станкевич Ю.В. Мовні сугестогени в текстах політичної реклами [текст] : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.01 / Юлія Володимирівна Станкевич. – Одеса : ОНУ ім. І.І. Мечникова, 2011. – 22 с.
7. John Kerry's Remarks on Syria. [Electronic resource] – Access mode : <http://www.washingtonpost.com/world/national-security/running-transcript-secretary-of-state-john-kerrys-remarks-on-syria-on-aug-30/2013/08/30/.html>.
8. Кожетова А. Языковая объективация адресанта и адресата в дипломатическом дискурсе [Электронный ресурс] / А. Кожетова. – Режим доступа : <http://www.teoria-practica.ru/-1-2012/philology/kozheteva.pdf>

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ГАЗЕТНОГО МАКРОТЕКСТА

Л.В. Терехова (Одесса)

Целью нашего исследования является описание взаимоотношения категорий времени и пространства в макротекстовом образовании, состоящем из серии публикаций ежедневной американской газеты “New York Times”. Исследуемый макротекст освещает кризисную ситуацию, сложившуюся в апреле – начале мая 2013 года в США. Тогда, 15 апреля в зрительной зоне на финише Бостонского марафона произошло два взрыва. В результате погибло 3 и пострадало 280 человек. Под газетным макротекстом мы понимаем “совокупность газетных публикаций, объединённых общей тематической линией. Общность темы прослеживается как между различными публикациями одного номера (горизонталь макротекста), так и между публикациями ряда последовательных номеров (вертикаль макротекста)” [2, с. 163]. В нашем случае идёт речь о 74 публикациях 20 последовательных номеров “New York Times”, которые были опубликованы в период с 16 апреля по 5 мая 2013 года.

Макротекстовое образование “Теракты в Бостоне”, обладает своей темпоральной структурой, в которой наблюдается обязательная заявленность трёх временных планов – настоящего, прошедшего и будущего. Объём плана настоящего в исследуемом газетном макротексте доминирующий. Под планом настоящего мы понимаем отрезок времени, включающий совокупность событий, которые образуют собственно кризисную ситуацию и находятся в центре внимания во всех публикациях ряда последовательных номеров газетного макротекста. План прошлого времени газетного макротекста представляет собой отрезок времени, в котором происходили события, предшествующие кризису. В плане прошлого времени газетного макротекста мы выделяем собственно прошлое время и прецедентное прошлое. Выделение плана прецедентного прошлого вызвано тем, что в процессе отображения развивающейся кризисной ситуации журналисты интенсивно обращаются к аналогичным ситуациям реальной действительности, если таковые имели место прежде, пытаются анализировать текущие события и даже предсказать течение данной ситуации на основе уже имеющихся фактов и опыта решения

похожих конфликтов. В исследуемом макротексте мы находим упоминания таких прецедентных событий как теракты в Оклахома Сити в 1995г., взрыв на Олимпиаде в Атланте в 1996 г., теракты 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и в сентябре 2004 г. в Беслане. Третий временной план, план будущего, отражает специфическую особенность газетных сообщений: прогнозирование предстоящих событий в общественной жизни людей в связи с кризисной ситуацией.

Вслед за В.З. Демьянковым в исследуемом нами газетном макротексте разграничиваем фокусные и фоновые события. Фокусными событиями называем “всяческие катастрофы, удары судьбы, драматические изменения в жизни”. Фокусным противопоставляются фоновые события, которые “придают тексту внутренний ритм и подготавливают почву для восприятия главных событий” [1, с. 75]. Фоновыми событиями макротекста “Теракты в Бостоне” являются события, возникшие в результате фокусных событий, т. е. самих террористических актов. Изучая пространство газетного макротекста, освещающего кризисные ситуации, выделяем фокусное и фоновое пространство. Маркеры каждого из них указывают на пространственные параметры фокусных и фоновых событий.

Как лингвистическое отражение событий реальной действительности, настоящее время газетного макротекста взаимосвязано с фокусным и фоновым пространствами. В редакторской статье первого номера исследуемого газетного макротекста так описывают фокусные события, послужившие началом кризисной ситуации:

On Monday, the weather for the 117th running of the Boston Marathon was cloudy and a little chilly ... Three hours after the winners had broken the tape... an explosion rocked the finish-line area on Boylston Street... Then another one... (4, 56108).

В другой статье этого же газетного номера сообщается более детальная информация о временных и пространственных параметрах взрывов:

...a bomb that had apparently been placed in a garbage can exploded around 2:50 p.m. in a haze of smoke amid a crowd of spectators on Boylston Street, just off Copley Square in the heart of the city. Thirteen seconds later, another bomb exploded several hundred feet away (4, 56108).

Сопоставив два примера, можно заключить, что первый взрыв произошёл в понедельник около 14:50, через три часа после того, как победители пересекли финишную черту. Пространственные параметры первого фокусного события (первого взрыва) детализируются во втором примере: в редакторской статье это *Boylston Street*, в последующей – *Boylston Street, just off Copley Square in the heart of the city*. Что касается второго фокусного события (второго взрыва), во втором примере уточняются его временные параметры: он произошёл через 13 сек. после первого. В обоих случаях речь идёт об одних и тех же трагических событиях, каждое из которых произошло в определённом месте и в определённое время. Так, А.Ф. Филиппов отмечает, что “единству времени, в течение которого событие сохраняет свою тождественность (момент свершения события), соответствует единство пространства (место свершения события). Как время, так и пространство события идентифицируются в некоторой системе координат или в рамках взаимосвязанной совокупности однородных моментов и мест” [3, с. 99].

Цепочка фокусных событий макротекста “теракты в Бостоне”, как отражение событий реальной действительности, заканчивается через 4 дня после свершения первого фокусного события: один из подозреваемых был убит, другого задержали и доставили в тюрьму: *The teenage suspect in the Boston Marathon bombings, whose flight from the police after a furious gunfight overnight prompted an intense manhunt that virtually shut down the Boston area all day, was taken into custody Friday night...*(4, 56112).

Будущее и прошедшее время газетного макротекста соотносится с фоновым пространством. Предметом сообщения плана будущего темпоральной структуры макротекста являются прогнозы событий экономического, политического и социального характера, которые, предположительно произойдут в Бостоне и на территории Америки. К плану будущего обращаются за тем, чтобы установить связь между фактами, событиями и ситуациями в сфере прошлого и развивающейся ситуацией настоящего.

Таким образом, планы настоящего, прошлого и будущего времени газетного макротекста взаимосвязаны и функционируют как единое целое. В свою очередь, временные планы газетного макротекста тесно переплетаются с его фокусным и фоновым пространствами.

Литература

1. Демьянков В.З. Семиотика событийности в СМИ / В.З. Демьянков // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учеб. пособие. Ч. 2. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. – С. 68–83.
2. Терехова Л.В. Временная структура газетного макротекста / Л.В. Терехова // Записки з романо-германської філології. – Вип. 12. – Одеса : ОНУ, 2002. – С. 163–170.
3. Филиппов А.Ф. Конструирование прошлого в процессе коммуникации: теоретическая логика социологического подхода / А.Ф. Филиппов // Феномен прошлого ; ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. – М. : ГУ – ВШЕ, 2005. – С. 96–120.
4. “New York Times” № 56108 – 56128.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОККАЗИОНАЛИЗМЫ КАК ХУДОЖЕСТВАЕННЫЙ ПРИЕМ И СРЕДСТВО ЭКОНОМИИ РЕЧЕВЫХ УСИЛИЙ

Т.М. Тимошенко (Харьков)

Нетрадиционное употребление языковых единиц в качестве выразительного или изобразительного средства – характерная черта современного англоязычного художественного дискурса. Новообразования имеют как лексическую, так и грамматическую природу.

Под грамматическими окказионализмами мы имеем в виду нестандартное употребление грамматических форм, конструкций, частей речи, рассчитанное на привлечение внимания читателя (слушателя) за счет своей неожиданности и реализацию определенного стилистического эффекта: юмористического, иронического, саркастического [2].

Инструментами создания грамматических окказионализмов являются конверсия (переход языковой единицы в иной таксономический класс за счет приобретения ею новой парадигмы словоизменения) и синтаксическая транспозиция (употребление языковой единицы в нехарактерной для нее функции, обычно реализуемой иными средствами языкового означивания) [1, с. 235–236].

Грамматические окказионализмы образуются как по узуальным структурным моделям (субстантивация, суффиксальное словообразование) – где необычность создается лексическим наполнением,

так и по окказиональным моделям: употребление многокомпонентного словосочетания или целого предложения в роли атрибута; языковых единиц различных частей речи в категориальных формах, отсутствующих в их узальной парадигме [3].

Грамматические окказионализмы, создаваемые в первую очередь в расчете на создание необходимого автору стилистического эффекта, несут в то же время очень значительный объем разнообразной информации.

Указания на выполняемые действия:

I was a waiter – many's the time I'd Caesared their salad
(J. Collins).

Inspector Wheatley grabbed the instrument and proceeded to do a lot of "Yes- sir-ing" in a respectful voice (B. Gray).

Указания на те или иные обстоятельства, сопутствующие действию:

When I glimpsed Alexandra again, she was clutched in the schmuck she was dancing with's arms (J. Collins).

Указание на время совершения действия:

On Saturday you get the one-night-out-a-week group (J. Smith).
The scene became clear: schoolgirl crush, the fancied-him-since-she-was-a-little-girl bit (D. Brown).

Описание, включающее детали действия, объекта, состояния и т. д.:

This snatching-gun-out-of-drawer stunt may be whiskery, but I get the idea (B. Gray).
Missie Pyle noted that her strapless-with-strap dress – the result of an eco-friendly design contest – was using only cruelty-free silkworms (New York Times).

Характеристика лица, объекта, действия, состояния – чаще всего с элементом субъективной оценки:

Monkeyng with the law is a tricky and dangerous form of amusement (B. Gray).

Hal Fortyish, attractive, if you like the Dean-Martin-gone-to-seed type (J. Collins).

His bitcheries could go on forever (R. Stone).

I guess he's on another kick – you know, educated Miss Prim-and-Proper type for a change (B. Gray).

He's not a boy, Maxwell, don't baby him (D. Francis).

*Lissy was his flaxen-haired sixteen-year-old-freak-out wife (R. Stone).
In London in charge of the New Stage Tony is a man. Here he is a
nothing (J. Collins).*

Forget your Jack-the-Ripper ideas and relax (B. Gray).

В ряде случаев характеристики носят откровенно иронический характер:

*That's all I needed, one of her aren't-we-being-wicked pot-smoking
scenes (J. Collins).*

Sammy was still sitting with his juvenile wonder (B. Gray).

*I was bored by her chubby legs in patterned stockings and her
plum- in-the-left-cheek voice (R. Stone)*

Элемент оценочности в значительной степени дополняет информативный потенциал грамматических окказионализмов:

*After I got over the get-me-the-hell-out-of-here stage it was just
staggering (N. Roberts) .*

*– So goodbye, – she snapped. – You no-talent-pain-in-the-ass-
English-has-been (J. Collins).*

*Joy's face assumed a very definite I-warned-you-about-it-but-you-
were-too-silly-or-too-stubborn-to-listen expression (B. Gray).*

*I cast him a keep-your-sarcastic-tongue-behind-your-splendid-
teeth glance and he obeyed (D. Francis).*

*In the long run I got sick and tired of his constant you-silly-cow-
you-damn-bitch-you-want-me-dead stupid hysterical complaints
(J. Percivall).*

Значительный объем фактической информации, ярко выраженный элемент оценочности, реализация стилистического эффекта при минимальном количестве компактно организованных языковых единиц позволяют характеризовать грамматические окказионализмы как эффективное средство экономии речевых усилий.

Литература

1. Тимошенко Т.М. Грамматические окказионализмы: структурные, семантические, функциональные характеристики / Т.М. Тимошенко // Вестник Исык-Кул. ун-та. – № 30. – Ч. 1. – 2011. – С. 234–238.
2. Тимошенко Т.М. Стилистико-коннотативный потенциал грамматических окказионализмов в современном английском языке / Т.М. Тимошенко // Каразінські читання: Людина. Мова. Комунікація : тези XI Міжнар. наук. конф. – Х. : ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2012. – С. 276–277.

3. Тимошенко Т.М. Лексико-грамматические окказионализмы: модели образования / Т.М. Тимошенко // Каразінські читання: Людина. Мова. Комунікація : тези XII наук. конф. з міжнар. участю. – Х. : ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2013. – С. 302–303.

ЛИНГВИСТИКА
ЯЗЫКА, РЕЧИ, ДИСКУРСА:
ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ

И.Ф. Ухванова (Минск),
А.В. Григорович (Витебск)

Предмет изучения языка, речи, речевой деятельности и дискурса вызывает вопросы и споры современных лингвистов. Заслуга Ф.де Соссюра в том, что он развел понятия “язык” (langue), речь (parole) и обосновал третью составляющую – “языковая деятельность” (langage) [3, с. 25].

Язык есть общее – система, используемая народом в целом и отражающая его культуру, менталитет как нечто целостное, но речь – это индивидуальное проявление языка. При этом каждый конкретный индивид участвует в процессе создания языка. Язык есть явление семиологическое, т.е. он существует в коллективе как совокупность впечатков, которая присутствует у каждого в голове” [4, с. 110]. Речь не является отдельным речевым актом, а, суммируя то, что говорят люди, включает индивидуальные комбинации и акты фонации [4, с. 57]. Речь, произносимая или подготовленная, использует язык как свое основание и относится к уровню реализации мысли и языка.

Предметом языка является и форма и содержание, однако, выход на лингвистику дискурса предполагает особую фокусировку на содержание, порождаемые речевой и социальной практиками смыслы. Основатели новой пост-соссюровской лингвистики уводят изучение языка в поле содержания (язык – это мыслимое, то, что покоится в глубинах сознания, на глубинном уровне мышления), но трактуют язык как в определенном смысле прошедшее, уже завершенное, устоявшееся, то есть то, что “мы будем использовать при необходимости в речи” [2, с. 53, 93]. И эти практики – языковая

(строительство языковой системы) и речевая (построение речевых высказываний) вместе составляют суть речевой деятельности, т.е. материально воплощенный синтез языка и речи. Язык как составляющая речевой деятельности необходим для производства речи, а речь необходима для создания языка. Т.о. язык является одновременно орудием и продуктом речи [4, с. 57]. Язык может восприниматься статично, хотя он и меняется постоянно; речь функциональна, а дискурс, сочетая оба плана, репрезентирует собой динамическое начало. Впрочем, характеристику динамичности можно найти и по отношению к речи, когда она рассматривается в процессе реализации в контексте – конкретной социальной ситуации. Последняя (ситуация) делает речь кратковременной, изменчивой, ситуативной [1, с. 13–16]. Но что это еще как не дискурс?

Дискурс-подход репрезентирует лингвистику нашего тысячелетия, которая сегодня активно развивается, в том числе и в славянском контексте [6, с. 364–368]. От определения понятия “дискурс” зависят подходы к его изучению. В заседании тематической группы по лингвистике дискурса, организованном Международным конгрессом славистов в августе 2013 года в Минске – руководитель тем группы Белорусский исследователь И.Ф. Ухванова (http://www.journ.bsu.by/index.php?option=com_content&task=view&id=290&Itemid=278), – прозвучало определение, синтезирующее понятия “текст” и “контекст”. В частности, прозвучала мысль о необходимости от простого соединения этих терминов увидеть их как целостность, как качественно иное преобразование [5, с. 94–160]. Вот почему лингвистика дискурса ищет свои методики и техники анализа, свои формы организации базы данных, свои категории анализа – дискурс-категории (интертекстуальность и интердискурсивность, самоидентификация, коммуникативная стратегия, тема, роль, время, пространство, атрибутивность, деятельность, свои, чужие, кортеж, знаковый кортеж и др.). Терминология лингвистики еще осмысливается современной лексикографической литературой, которая является важным звеном в становлении этого направления лингвистики.

Дискурс-лингвистика изучает дискурс как событие, на которое участвующие в коммуникации влияют, непосредственно конструируя, проявляя его. Этот аспект (участие коммуникантов и их взаи-

моотношения на содержание порождаемых текстов) и превращает текст в реальную дискурсию, а набор таких дискурсий (или дискурсных практик) и составляет те или иные типы дискурса, которые и являются объектом дискурс-лингвистики.

Объект моего диссертационного исследования – дискурс “доктор-пациент”. Моя цель – собрать соответствующий корпус текстов, порождаемый в ситуации общения и взаимодействия врача и пациента, реконструировать из него актуальные для него дискурс-категории и описать с позиций какое функциональное значение они несут данному взаимодействию, как влияют на его протекание и как реализуются с учетом их сочетания и взаимозависимости, т.е. как единое, целостное содержательное пространство. Насколько оно эффективно и что помогает, а что мешает этой эффективности и предстоит выяснить в итоге, для того, чтобы исследование имело прикладное значение.

Таким образом, можно добавить, что смысл рождения нового типа лингвистики в том, чтобы не только развивать новый лингвистический аппарат, но и быть полезным обществу.

Литература

1. Гардинер А. Различие между “речью” и “языком” / А. Гардинер // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. – М., 1960. – Ч. 2. – С. 111–120.
2. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом ; [взд. 3-е.] – М. : Прогресс, 1992. – 148 с.
3. Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике / Соссюр Ф. де. – М. : Прогресс, 2000. – 280 с.
4. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Соссюр Ф. де. – М. : Прогресс, 1977. – 696 с.
5. Ухванова И.Ф. Категориальный аппарат лингвистики дискурса: соотношение понятий думаем, ищем, обсуждаем / И.Ф. Ухванова // La Table Ronde. Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в парадигме современной славистики. Вып. 2. – Минск : РИВШ, 2013. – С. 94–160.
6. Ухванова-Шмыгова И.Ф. Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в славянском научном сообществе: анализ прецедентных дискурсий (в контексте актуализации дискурсных групп) / И.Ф. Ухванова-Шмыгова // La Table Ronde. Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в парадигме современной славистики. Вып. 2. – Минск : РИВШ, 2013. – С. 364–368.

ЛІНГВОПОЕТИЧНИЙ АЛГОРИТМ ІДІОДИСКУРСУ С. ФІЦДЖЕРАЛЬДА

І.О. Ходос (Дніпропетровськ)

Творчість С. Фіцджеральда подарувала низку текстів, композиція яких відповідає принципам побудови джазового твору і являє собою синтез романтичних і психологічних рефлексій критичного реалізму [1, с. 125]. Зіткнення дійсності з мрією, минулого з теперішнім, реального з уявним – все це підсилює ліричне звучання його прози, наближуючи її до поетичної мови.

Принцип “ліричної прози” проявляється на всіх рівнях – лексичному, граматичному, фонетичному. При цьому особливо яскраво він проявляє себе через лексику, за допомогою якої актуалізуються різноманітні стилістичні засоби, прийоми і фігури. Серед останніх чільне місце належить метафорі та порівнянню, які не тільки сприяють унаочненню його філософських та естетичних поглядів, але й відіграють важливу роль у створенні емоційної насиченості творів, що є однією з визначальних рис його ідіостилю.

Як і для більшості сучасних митців слова, для ідіодискурсу С. Фіцджеральда характерною креативною технікою є метафоризація художнього простору, що здійснюється за рахунок лінгвопоетичного алгоритму, заснованого на аналогії [4, с. 4]. На відміну від інших авторів, визначальними для творчої манери С. Фіцджеральда є метафоричні моделі, засновані на концептуальному гіперонімі HUMAN BEING і підпорядкованих йому концептуально-метафоричних моделях-гіпонімах FEELINGS \equiv EMBODIED, HUMAN BEINGS \equiv ANIMALS і HUMAN BEINGS \equiv PLANTS, які концентричними колами розходяться по всій поверхні ідіодискурсу та, проникаючи в ідейно-художні глибини текстової матерії, надають їй яскраво вираженого антропоморфного характеру.

Антропоморфізмом зумовлено й активне використання в ідіодискурсі С. Фіцджеральда синестезії – особливого типу метафори, призначеного слугувати гостро-несподіваному зображенню певних об'єктів прискіпливої авторської уваги, у результаті чого створюються неповторні словесно-художні образи [2, с. 43]. Специфічна образність і багатозаровість художнього простору С. Фіцджеральда,

підтримувана різними видами і типами метафор, свідчить про глибокий психологізм художнього методу письменника.

З огляду на естетику психологізму письменник майструє не лише ні з чим не переплутувану метафору, а й вибудовує весь художній простір свого ідіодискурсу, в якому оригінальністю і своєрідністю вирізняються кольоросимволізм, прецедентні імена та – особливо – порівняння, які бувають у нього двох видів – повні та неповні.

Особливий інтерес представляють кольоропозначення, які у С. Фіцджеральда мають символічне звучання. Він використовує номінації кольору всього світлового спектру, причому не тільки хроматичні, але й ахроматичні відтінки, що, очевидно, свідчить про динамічність колірної картини світу в образному уявленні майстра слова [3, с. 126]. Ключовими для С. Фіцджеральда є білий, сірий, жовтий, золотий, зелений і блакитний, якими він оперує в різноманітних контекстах (переважно при змалюванні зовнішності героїв, їхнього одягу, оточуючих предметів, природи тощо) задля створення індивідуально-авторських образів.

Серед порівнянь переважають ті, предметом яких є діючі особи, а точніше – їх внутрішній та зовнішній світи. Їх художнє аранжування в тканині тексту здійснюється С. Фіцджеральдом шляхом порівняння з представниками флори (*wolf, lion, horse, cobra, rabbit, cat, creeps* та ін.), фауни (*carnation, rose, bouquet, flower*), з речами (*piano, painting, glove, cloth, poster* та ін.) та явищами природи (*flash, wind, tornado, storm, light*), а також з іншими людьми (переважно з дітьми). Особливий інтерес являють собою порівняння, в основі яких – прецедентні імена (власні імена видатних людей, літературні чи казкові персонажі тощо). У результаті такої лінгвокреативної операції антропоморфний об'єкт порівняння (людина) наділяється певною неантропоморфною ознакою, яка створює оригінальний і неповторний словесний образ.

У творчому арсеналі С. Фіцджеральда знаходяться не лише усталені художні порівняння на основі словосполучення, а й предикативні порівняння – ті, що упаковані у форму складного речення зі сполучниками *as, as if, as though*. Це дозволяє авторові насичувати порівняннями не лише антропосферу, але й зовнішній, предметний світ людини – середовища її побутування. Дозволяє це їти авторові ще далі, а саме: чергувати антропоморфні та неантропоморфні порівнян-

ня в описах портрету, пейзажу, інтер'єру тощо, які часто не можуть не перетинатися з описами внутрішнього стану людини.

У такий спосіб творче вістря ідіодискурсу С. Фіцджеральда виявляється спрямованим на внутрішній і зовнішній світ його героїв, на риси характеру, на їх настрої, почуття та емоції, а зрештою й на весь духовний і матеріальний світ, що їх оточує. На цьому тлі провідними рисами художнього методу С. Фіцджеральда стають психологізм, символізм, джазовість, романтизм, помножені на мовленеву експресію. Їхнє призначення полягає не тільки в певним чином акцентованій передачі квантів інформації, а й у посиленні модусу повідомлюваного, в оновленні зображуваного, у випромінюванні особливої авторської енергетики, пов'язаною з філософією втраченої генерації.

Засоби, принципи і фігури лексико-стилістичного аранжування ідіодискурсу С. Фіцджеральда відбивають багатоплановість духовного світу письменника, його прагнення до психологізму і здатність поєднувати декілька сфер буття в одну модальність. Ці засоби є стислими, ємними, лаконічними, що сприяє багатозначності, уможливорює декілька трактувань, які дозволяють авторові співпрацювати з читачем у процесі створення та осмислення словесних художніх образів.

Література

1. Кулашвили В.К. Ф.С. Фицджеральд и американский литературный процесс 20 – 30-х годов XX в. / В.К. Кулашвили. – К. : Наук. думка, 1983. – 239 с.
2. Cytowic R. Synaesthesia. The union of the senses / R. Cytowic. – [2nd ed.]. – Cambridge : MIT Press, 2002. – 394 p.
3. Hardin, C.L. Color Categories in Thought and Language / C.L. Hardin, L. Maffi. – Cambridge : Cambridge University Press, 1997. – 389 p.
4. Kövecses Z. Metaphor: A practical introduction / Kövecses Z. – N.Y.: Oxford University Press, 2002. – XVI, 285 p.

МЕСТО ДИСКУРСА В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА И РЕЧИ

И.В. Чекулай, О.Н. Прохорова (Белгород, Россия)

Одну из наиболее проблемных точек в изучении языка как структурированного, прагматически ориентированного и в то же время обусловленного предыдущей историей и культурой определённого социума явления занимает проблема дискурса. Это крайне неоднозначный феномен языка, реальности и мышления, и это выражается не только в различных подходах к его определению, но и, собственно говоря, в неоднозначной интерпретации его онтологических характеристик.

В “Лингвистическом энциклопедическом словаре” Н.Д. Арутюнова определяет дискурс как “связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное, социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, “погруженная в жизнь» [1, с. 136–137]. В этом определении отражается *реальная* природа дискурса в отличие от идеальных моделей, лежащих в основе речевых построений, как, например, фонема в основе артикуляции звуков, морфема в основе корней и аффиксов (префиксов, суффиксов), имеющих реальное звучание, лексем, на основе которых возможно существование различных слов, передающих связанные понятия.

С другой стороны, дискурс определяется как текст. Текст, как известно, по определению И.Р. Гальперина, представляет собой “произведение речетворческого процесса, обладающее структурой и содержанием, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (СФЕ), объединенных различными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку” [2, с. 18]. Из этого следует, что, поскольку дискурс – это текст в событийном аспекте (см. определение Н.Д. Арутюновой выше), то он дол-

жен быть объективированным в письменном виде. Это несколько идёт вразрез с дальнейшим развитием дискурса в его понимании Н.Д.Арутюновой, поскольку, как она полагает, в него включаются паралингвистические действия, а это возможно лишь в устной речи. Таким образом, возникает следующая проблема: если дискурс – это речевое явление, то в какой форме он существует – в устной, в письменной, или же возможна его интеграция в оба вида речи?

С другой стороны, дискурс можно в грубом виде представить как денотативно обусловленную семантико-прагматическую составляющую единиц, б?льших нежели СФЕ. Но тогда дискурс утрачивает статус отдельной языковой сущности в общей системе языка и речи, что, несомненно, является некорректным.

Таким образом, современная теория дискурса испытывает определённые существенные затруднения при определении его онтологического статуса. В ряде работ (например, В.Е. Чернявской [<http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/vypusk-no3-2011/cernavskaa-v-e>], С.Ю. Тюриной [http://globalteka.ru/referat/doc_details/11027.html] и других) эта мысль проводится лейтмотивом всего научного труда.

На наш взгляд, проблема онтологического статуса дискурса как единицы языка и/или речи является существенной в пределах проблематики общей теории дискурса. Определение дискурса как “речи, погружённой в жизнь”, на наш взгляд, является образным и хорошо передающим сущность дискурса, однако в то же время страдает некоторой произвольностью формулировок. Рассмотрим эту проблему с позиций соотношения языка и речи.

Как известно, основная дихотомия понимания общей языковой системы как структурного явления предполагает чёткую дифференциацию языка и речи. Этой дифференциации было посвящено достаточно большое количество работ, где язык рассматривается как идеальное, объективное, ассоциативное мыслительное построение, в то время как речь является материальной, конкретной, линейной последовательностью воспринимаемых органами чувств материальных воплощений языковых знаков. С этих позиций дискурс представляется как ассоциативный комплекс, отнесённый к плану языка. Это своего рода инвариант некоторой достаточно общей жизненной ситуации, имеющей определённую информативную важность в сфере экономики, политики, производственных отношений, социальной про-

блематики, человеческих отношений и тому подобное. При необходимости актуализации данной жизненной ситуации дискурс принимает различные формы в устах различных людей. Например, в рамках производственных отношений в вузе возникает проблема оптимизации работы в вузе. Это общая тема дискурса, которая формулируется в виде некоторой обобщённой идеи (например, сокращения количества кафедр и факультетов, ППС и обслуживающего персонала и т.п.). Этот общий фрагмент производственного дискурса получает выражение в виде официальных *письменных* приказов сначала со стороны министерства или департамента образования, затем вузовской администрации получает дальнейшую *устную* интерпретацию в устной диалогической форме между сотрудниками вуза, их разговоров со своими близкими и т.п. Таким образом, инвариантный дискурс получает вариативные письменные и устные реализации в форме текстов и диалогических единств.

В пользу инвариантной гипотезы дискурса свидетельствует и тот факт, что в пределах некоторого общего дискурса можно выделить его более частные разновидности, которые, в свою очередь, могут быть членимы далее, на более мелкие разновидности. При этом дискурсы разного порядка следует отличать от стилевой и жанровой дифференциации текстов. Так, например, в официально-деловом стиле может существовать достаточно большое количество дискурсов (например, дискурс судебного уголовного заседания, дискурс арбитражного суда, дискурс исследования нарушения прав человека и др.), но, в то же время, они могут существовать и в пределах других функциональных стилей. В частности, дискурс исследования нарушения прав человека может существовать и в пределах публицистического и художественно-беллетристического функциональных стилей и принимать различные формы, отличные от жанровых. Примером такого дискурса в рамках художественной прозы могут быть “Колымские рассказы” В. Шаламова.

Таким образом, дискурс можно определить как инвариантно-тематическое информационное направление, охватывающее достаточно большой массив информации, посвящённый актуальным проблемам жизни отдельного индивида, его семьи, производственного коллектива, в котором данный индивид трудится, общественным, политическим, экономическим, культурным и другим проблемам

той страны, резидентом которой данный индивид является, а также проблемам существования человечества в глобальном масштабе. Именно представление дискурса как инвариантной категории общения позволяет установить те информативные связи, которые формируют содержательную часть явления, известного как межкультурная коммуникация.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
2. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 138 с.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КАТЕГОРИАЛЬНО-МОДУСНОЙ ЕДИНИЦЫ МАТРИЧНОГО ЗНАНИЯ ЭМОЦИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДИСКУРСАХ

Ю.Ю. Шамаева (Харьков)

Целью данной работы является выявление специфики функционирования категориальной единицы знания матричного формата ЭМОЦИЯ как концептуального комплекса, актуализированного в профессиональных дискурсах, с учетом её модусной онтологии как основания двух разных типов категорий внутри общей системы модусной категоризации – оценочной категории эмоций и категории оценочно-эмоциональных/ эмоциогенных слов-репрезентантов соответствующего концептуального образования.

Теоретико-методологической базой для реализации вышеуказанной цели являются разрабатываемые в современной лингвокогнитологии теории концептуализации и категоризации (Е.С. Кубрякова, Н.Н. Болдырев, С.А. Жаботинская, В.И. Карасик, R. Jackendoff, G. Lakoff и др.), теория языка как одной из когнитивных способностей человека в фокусе метакогниции – “области лингвистического знания, которая достигается в процессе познания самого языка и которую называют “когницией о когниции”, имея в виду, что когниция здесь ориентирована на её же собственный анализ” [6, с. 54], труды

по теории дискурса (Н.Д. Арутюнова, М.М. Бахтин, И.С. Шевченко, D. Nymes и др.), характеристике типов дискурса (А.Д. Беляева, О.П. Воробьева, Л.П. Крысин, И.А. Стернин, N. Fairclough, S. Stitch и др.), структурно-интегративная методология функционально-онтологического исследования психических феноменов [8].

Лингвокогнитивное образование ЭМОЦИЯ представляется нам соответствующей определенному конструированию информационного фрагмента мира речемыслительно-оперативной репрезентирующей единицей теоретического и обыденного (не)осознанного знания эмоций. Его основа интегрирует оценку, саму эмоцию и эмоциональный стимульно-реактивный образ сознания, который переживается как результат концептуализации “специфического индивидуального и группового способов эмоционального мировосприятия и миропонимания, задаваемого совокупностью когнитивных и поведенческих установок” [7, с. 64], выполняя при этом функции “единицы концептуального содержания, выделяемой человеком в процессе познания с целью последующей её передачи в языковой форме или дальнейшего накопления” [2, с. 24]. Отметим, что вербализацию и дискурсивную актуализацию концепта ЭМОЦИЯ, обеспечиваемые лексической, грамматической и модусной системами языковой категоризации, создающими возможность перехода от когнитивно-номинативной к когнитивно-дискурсивной функции единиц языка эмоции в целом, мы, вслед за В.Е. Чернявской [9] и В.И. Карасиком [4], понимаем как сложноорганизованную интерсемиотическую передачу эмоциональной информации, что позволяет более дискретно выявить измерения “кванта переживаемого знания в виде последовательного усложнения кодируемой информации” [5, с. 10], будучи одновременно и коммуникативным каналом, и коммуникативным кодом, своеобразной ментально-медиальной формой материального проявления матрицы эмоций и знания о них.

Такая особенность изучаемой категориально-модусной единицы матричного знания приобретает особую значимость в контексте профессионального дискурса как целевого институционального общения людей, получивших специальную подготовку для выполнения определенной трудовой деятельности, поскольку дискурсивная дисперсность эмоций, зависящая от способа оязыковления их ментальных репрезентаций, обеспечивает более эффективное выполнение

данным типом дискурса своих базовых функций – перформативной (социальная практика), нормативной (поддержка норм и ценностей института), презентационной (вариативное выражение стереотипных интенций и ожиданий) и парольной (поддержание границы между агентами и клиентами института).

Специфической характеристикой функционирования концептуального комплекса ЭМОЦИЯ в профессиональном дискурсе является также потенциал его категориальности интенсифицировать профильные дискурсивные признаки, а именно профессиональную маркированность предметной сферы, предметного и символического когнитивного инструментария для решения определенных задач, критериев оценки качества работы, индикаторов предметной сферы и мониторинга общения и, наконец, профессиональную самопрезентацию [1], способствуя успешности дискурсивных стратегий и большей выразительности жанровых параметров профессиональных дискурсов. Это объясняется наличием у рассматриваемого концептуального образования ряда обязательных и специфических концептуальных характеристик, градуировано проявляющихся в эмоциональных концептах-членах категории ЭМОЦИИ, к которым, как показывает наше исследование, принадлежат не только непосредственно концепты 10 первичных фундаментальных (интерес-волнение, радость, удивление, горе-страдание, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд, вина [3]) и вторичных эмоций, а также их кластеров, но и концепты ЧУВСТВО, ПЕРЕЖИВАНИЕ, НАСТРОЕНИЕ, СОСТОЯНИЕ, ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ, ИСТОЧНИК ЭМОЦИИ, ЛЮБОВЬ, ДОБРО, ЗЛО, КРАСОТА и др.): а) ОТНОШЕНИЕ СУБЪЕКТА К ЗНАЧИМЫМ ДЛЯ НЕГО ОБЪЕКТАМ б) ОЦЕНКА ОБЪЕКТА ЭМОЦИИ КАК СПОСОБСТВУЮЩЕГО/ ПРЕПЯТСТВУЮЩЕГО УДОВЛЕТВОРЕНИЮ ПОТРЕБНОСТЕЙ СУБЪЕКТА, ЖЕЛАЕМОГО/ИЗБЕГАЕМОГО; в) ДИНАМИЧЕСКАЯ ДЛИТЕЛЬНОСТЬ ЭМОЦИИ г) НЕЙРОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ЦЕНТРАЛЬНОМ УРОВНЕ; д) НЕЙРОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ПЕРИФЕРИЧЕСКОМ УРОВНЕ; е) ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ; ж) СУБЪЕКТИВНЫЕ ОЩУЩЕНИЯ/ ПЕРЕЖИВАНИЯ; з) РЕЛЕВАНТНОСТЬ ОТНОСИТЕЛЬНО БАЗОВЫХ ИНСТИНКТИВНЫХ БИОЛОГИЧЕСКИХ АДАПТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ.

Ввиду того, что основой эмоции является оценка, категория ЭМОЦИИ проявляет себя в профессиональных дискурсах как оценочная, а сам концепт ЭМОЦИЯ как её основа является оценочным концептом особого рода. Его специфика определяется уникальностью концептуализируемого и заключается в том, что он составляет основу не одного, а двух типов категорий, объективирующих разные типы знания, одновременно: оценочное эмоциональное знание о неязыковых объектах – собственно оценочной категории, и знание о единицах языка, выполняющих определенную оценочную функцию – категории оценочных эмоциональных слов, функционирующих как способ оценочной концептуализации и оценочной категоризации мира в языке. Это означает, что категориальный концепт ЭМОЦИЯ как особая форма онтологии человеческого эмоционально-языкового сознания, его когнитивно-интерпретирующей функции, опыта и оценок является модусным, объединяя определенные вербализации ментальных репрезентаций эмоций на основе общности их концептуальной эмоционально-когнитивной интерпретирующей функции.

Таким образом, особенности функционирования категориально-модусной единицы матричного знания ЭМОЦИЯ, обусловленные структурно-содержательной спецификой концепта ЭМОЦИЯ, способствуют повышению эффективности реализации базовых функций профессиональных дискурсов, более яркой выраженности профильных дискурсивных признаков, повышению успешности дискурсивных стратегий и большей выразительности соответствующих жанровых параметров. Углубленное изучение механизмов такого функционирования для решения вопроса взаимосвязи языка, эмоции и когниции составляет перспективу нашего исследования.

Литература

1. Бейлинсон Л.С. Профессиональный дискурс: признаки, функции, нормы (на материале коммуникативной практики логопедов) [Электронный ресурс] : автореф. дис. на соискание учен. степени докт. филол. наук : спец. 10.02.19 “Теория языка” / Л.С. Бейлинсон. – Волгоград, 2009. – Режим доступа : <http://www.dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-filologiya/a347.php>.
2. Болдырев Н.Н. О метаязыке когнитивной лингвистики: концепт как единица знания / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. Вып. IX. Взаимодействие когнитивных и языковых структур. – М. : Ин-т

- языкознания РАН; Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. – С. 23–32.
3. Изард К.Е. Теория дифференциальных эмоций / К.Е. Изард // Психология эмоций. – СПб. : Питер, 2004. – С. 232–243.
 4. Карасик В.И. Языковая матрица культуры / В.И. Карасик. – М. : Гнозис, 2013. – 320 с.
 5. Карасик В.И. Семиотические типы концептов / В.И. Карасик // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2012. – № 4. – С. 5–11.
 6. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Е.С. Кубрякова. – М. : Знак, 2012. – 208 с.
 7. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса / А.В.Олянич. – М. : Гнозис, 2007. – 407 с.
 8. Холодная М.А. Структурно-интегративная методология в исследовании интеллекта / М.А.Холодная. // Теория развития. Дифференционно-интеграционная парадигма. – М. : Языки славянских культур, 2011. – С. 469–477.
 9. Чернявская В.Е. Лингвистика в медиальной парадигме: к постановке вопроса / В.Е. Чернявская // Когниция, коммуникация, дискурс. Направление “Филология” : Междунар. электрон. сб. науч. тр. – 2012. – № 4. – С. 63–71.

TRANSLATION SKILLS AND REQUIREMENTS OF THE EU COMMISSION

Irina Shevchenko (Kharkiv)

The Educational system of modern Ukraine oriented at the European Union has to cope with the demands of EU translation skills and requirements. Schools of Translation and Interpreting Studies face the need to bring together the language experts, experts in literary and social theory to foster an interdisciplinary approach to translation and interpreting.

At V.N. Karazin National University, Translation and Interpreting are taught at all levels from foundation to masters and our postgraduate courses in translation and interpreting are amongst the longest running in Ukraine. These courses have a coherent academic curriculum giving our students an idea of the qualities, skills, and qualifications future translators need, and what challenges they face.

Mostly, our graduates comply with the requirements of the European Personnel Selection Office (EPSO), the body responsible for selecting

staff for all EU institutions (EUI). According to the EUI profile, commission translators are required to translate political, legal and administrative texts, and web texts into their main language. These are frequently complex and encompass all the European Union's areas of activity (economic, financial, scientific, technical, etc.).

Basic EPSO requirements include: (1) an ability to grasp varied and complex issues, react swiftly to changing circumstances, manage information and communicate effectively; (2) initiative, imagination, and intellectual curiosity and motivation; (3) a capacity to work consistently and under pressure – independently and as part of a team – and to fit into a multicultural working environment; (4) an ability to maintain the self-discipline required to work in a large public-service organisation.

In addition to these basic requirements, which apply to all EU Commission recruits regardless of their specialisation, EUI recruitment profile focuses on graduates who have (or are prepared to acquire) a set of specific skills which they will have to upgrade throughout their term of employment. Among the language skills are: perfect command of all aspects and stylistic levels of your mother tongue/main language; thorough knowledge of two or more official EU languages – at least one of which must be English, French or German. In Ukraine, special attention should be given to stylistic aspect of language use which seems often to leave much to be desired.

Thematic skills according to the EUI recruitment profile comprise familiarity with economics, financial affairs, legal matters, technical or scientific fields.

Translation skills are most versatile:

- a capacity to understand texts in the source language and to render them correctly in the target language, using a style and register appropriate to the purpose of the text
- a capacity to research topics and terminology quickly and efficiently – in both source language and target languages.
- a capacity to master computer-assisted translation and terminology tools, as well as standard office-automation software.

Unfortunately this wide framework for the competences applied to language professions or to translation over a wide semantic or professional range, including various modes of interpreting does not fully cover the specific needs of translator trainers or those of translation studies researchers. The training objectives, expressed in terms of competences to be acquired, appear

to be priorities, before defining a programme in which the content also depends on the resources (human, financial, institutional and technical) available in a given context. This reference framework should be understood within the overall context of university education for translators, which goes beyond the specifically professional competences listed below. It sets out what is to be achieved, acquired and mastered at the end of training or for the requirements of a given activity, regardless where, when and how. It corresponds to at least level C1: ‘Competent use of language (Effective Operational Proficiency)’, according to the Common European Framework of Reference for languages. This is intended as a basis, enabling the content of training sequences/modules/programmes/sessions to be established and the most appropriate teaching methods to be chosen. The whole of teaching process is concerned with the ends – those of forming necessary competences. By ‘competence’, we mean the combination of aptitudes, knowledge, behaviour and know-how necessary to carry out a given task under given conditions.

The EMT expert group has developed the guidelines for various competences:

- (a) translation service provision competence (interpersonal dimension, production dimension);
- (b) language competence (lexis, grammar, style);
- (c) intercultural competence (sociolinguistic dimension, textual) and the like.

The competences proposed in different areas are interdependent. Thus, for example, the aptitude for taking reasoned decisions is horizontal; it applies equally to the provision of a translation service and to documentary research. They all lead to the qualification of experts in multilingual and multimedia communication. Together, they comprise the minimum requirement to which other specific competences may be added (for example in localisation, audiovisual translation or research).

My interest concentrates on intercultural competence, mainly its textual dimension because it presents the main difficulty for graduate students. A number of disciplines serve to develop the knowledge necessary to cope with the tasks of reaching textual adequacy in translation, among them translation, stylistics, English and American literature – all those which focus on the text as a system of contents and forms with inner structure depending upon the language-and-cultural pattern of a given nation. Translator’s textual skills embrace:

- knowing how to understand and analyse the macrostructure of a document and its overall coherence (including where it consists of visual and sound elements);
- knowing how to grasp the presuppositions, the implicit, allusions, stereotypes and intertextual nature of a document;
- knowing how to describe and evaluate one's problems with comprehension and define strategies for resolving those problems;
- knowing how to extract and summarise the essential information in a document (ability to summarise);
- knowing how to recognise and identify elements, values and references proper to the cultures represented;
- knowing how to bring together and compare cultural elements and methods of composition;
- knowing how to compose a document in accordance with the conventions of the genre and rhetorical standards;
- knowing how to draft, rephrase, restructure, condense, and post-edit rapidly and well (in languages A and B).

The course in English and American Literature for Interpreters developed in V.N. Karazin National University and provided with textbooks having translation exercises both in English and American Literatures stimulates students majoring in Translation and Interpreting get the necessary skills and reach EUI requirements thus improving their chances in job get the necessary skills and reach EUI requirements thus improving their chances in job hunting.

ЛІНІЙНА МОНОТЕМАТИЧНА МОДЕЛЬ АНГЛОМОВНОГО ДІЛОВОГО ДИСКУРСУ

В.І. Юшкевич (Житомир)

Одним з аспектів дослідження професійних дискурсів є аналіз теми спілкування, що є обмеженою інституційними рамками певної галузевої сфери.

У фокусі нашого дослідження перебуває англомовний діловий дискурс (АДД). Об'єктом вивчення є його тематичний аспект, зокрема вивченню піддані тематичні моделі АДД, які поділяють на ієрархічні та лінійні [1; 2].

Аналіз ієрархічних моделей АДД засвідчив, що вони формуються на основі двох макротем – **ФІНАНСИ** і **ПІДПРИЄМНИЦТВО**, із подальшою диверсифікацією кожної з них на підтеми та мікротеми.

Лінійні моделі у нашому дослідженні вивчено з опорою на тип відносин між комунікативними ходами у межах мовленнєвого обміну. До таких відносин належать: генералізація, переривання, модифікація, підтримування, конкретизація, завершення і перемикання [3–5 та інші]. Очевидно, що відносини генералізації, модифікації, підтримування, конкретизації та завершення формують монотематичну модель, або структуру обміну, де розвивається одна тема, у той час як відносини переривання і перемикання, де розвиваються різні теми, формують політематичну модель.

У ході розвідки ми зафіксували в АДД наявність обох моделей. Аналіз показав, що обміни, побудовані на основі монотематичної моделі складають 78 %, політематичні обміни, відповідно, зафіксовані у 22 % випадків.

В монотематичних обмінах найчастіше фіксуємо реалізацію таких відносин: генералізації (24 %), підтримування (22 %), завершення (19 %), у той час як відносини конкретизації (8 %) і модифікації (7 %) зустрічаються не так часто. Слід зазначити, що ми зафіксували також випадки, коли в межах одного мовленнєвого обміну наявні два типи відносин, такий змішаний тип складає значну частину, а саме 20 % від загальної кількості проаналізованих типів відносин у межах монотематичного обміну. Результати аналізу подані на рис. 1.

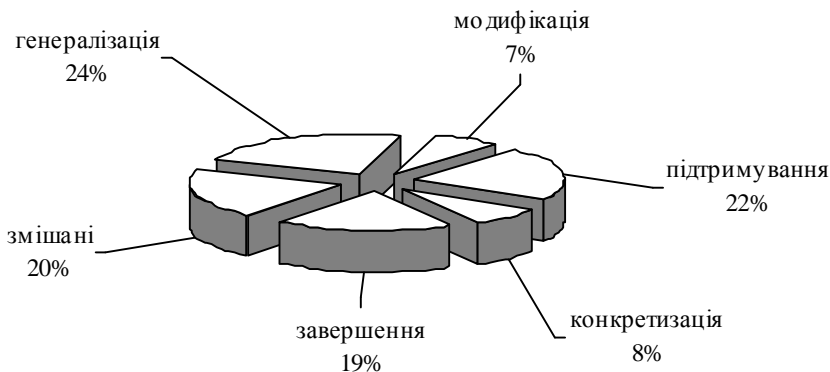

Рис. 1. Кількісні показники типів відносин між комунікативними ходами у межах монотематичного мовленнєвого обміну

Слід також зазначити, що монотематичним може бути не тільки один обмін, але і декілька обмінів, які утворюють монотематичний фрагмент (*monotopical conversation* [4]). Мінімальний об'єм реалізації монотематичної моделі – це один мовленнєвий обмін, максимальний – 4 обміни. Аналіз показав, що кількість фрагментів з одним монотематичним мовленнєвим обміном складає 58 %, з двома монотематичними обмінами – 26 % і з трьома і більше монотематичними обмінами – 16 % (див. рис. 2).

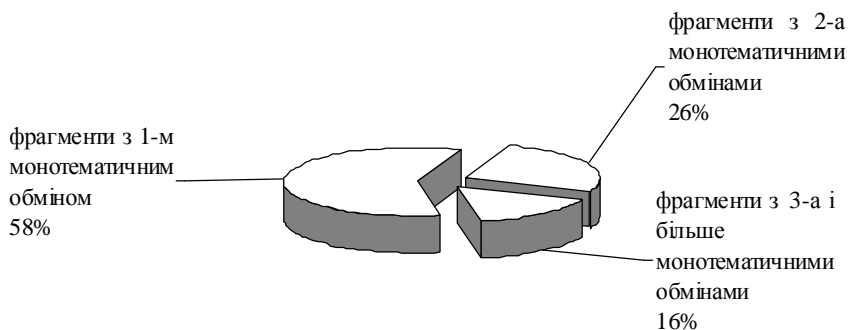

Рис. 2. Кількісні показники монотематичних мовленнєвих обмінів у фрагментах АДД

Перспективою подальших дослідження вбачаємо у проведенні аналізу політематичної моделі АДД.

Література

1. Кудоярова О.В. Дискурсотворча роль теми у професійному конфліктному спілкуванні англословних медиків (на матеріалі персонажного мовлення): дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Кудоярова Ольга Вікторівна. – Харків, 2007. – 238 с.
2. Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М. : ИТДГК "Тнозис", 2003. – 280 с.
3. Schegloff E. Notes on a Conversational Practice: Formulating Place / E. Schegloff // *Studies in Social Interaction*. – New York : MacMillan, Free Press, 1972. – P. 75–119.
4. Schegloff E. Opening up closing / E. Schegloff, H. Sacks // *Semiotica*. – 1973. – Vol. 8, № 7/4. – P. 289–327.
5. Tsui Amy B. M. *English Conversation* / Amy B.M. Tsui. – Oxford: Oxford University Press, 1994. – 298 p.

НАШІ АВТОРИ

Безугла Тетяна Андріївна, аспірантка кафедри німецької філології та перекладу Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна

Безугла Лілія Ростиславівна, професор кафедри німецької філології Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна

Бикова Ольга Дмитрівна, студентка-магістрантка Сумського державного університету

Брославська Любов Ярославівна, викладач кафедри іноземної філології Харківської гуманітарно-педагогічної академії

Ваховська Ольга Володимирівна, доцент кафедри англійської філології Черкаського національного університету імені Богдана Хмельницького

Гаспарян Седа Керопівна, професор Єреванського університету

Григорович Анжеліка Володимирівна, старший викладач кафедри іноземних мов УО “Вітебський державний ордена Дружби Народів медичний університет”

Дорда Віталій Олександрович, викладач кафедри теорії та практики перекладу Сумського державного університету

Зінченко Анна Володимирівна, аспірант кафедри теорії та практики перекладу Сумського державного університету

Змійова Ірина Володимирівна, професор кафедри теорії та практики перекладу Харківського гуманітарного університету “Народна українська академія”

Калюжна Алевтина Борисівна, викладач кафедри ділової іноземної мови та перекладу Харківського національного університету імені В.Н.Каразіна

Карпусенко Максим Вікторович, викладач кафедри ділової іноземної мови та перекладу Харківського національного університету імені В.Н.Каразіна

Кашкар'єв В'ячеслав Олексійович, викладач Харківського гуманітарного університету “Народна українська академія”

Куліш Владислава Сергіївна, аспірант кафедри теорії та практики перекладу Сумського державного університету

Купрієва Ірина Анатоліївна, доцент кафедри англійської мови та методики викладання Белгородського державного національного дослідницького університету

Лещенко Ганна Веніамінівна, докторант Черкаського національного університету імені Б. Хмельницького

Літовченко Ярослава Миколаївна, старший викладач кафедри ділової іноземної мови та перекладу Харківського національного університету імені В.Н.Каразіна

Манжос Ярослава Юріївна, доцент кафедри ділової іноземної мови та перекладу Харківського національного університету імені В.Н.Каразіна

Михайленко Валерій Васильович, професор кафедри сучасних європейських мов Буковинського державного фінансово-економічного університету

Михайлова Олена Валеріївна, викладач кафедри іноземних мов № 3 Національного юридичного університету імені Ярослава Мудрого, доцент кафедри методики та практики викладання іноземної мови Харківського національного університету імені В.Н.Каразіна

Писаренко Людмила Миколаївна, асистент кафедри іноземних мов Харківського національного університету міського господарства ім. О.М. Бекетова

Пономаренко Марина Вікторівна, студентка Сумського державного університету

Прокопенко (Срьюменко) Анастасія Андріївна, викладач кафедри англійської мови Харківського національного університету імені В.Н.Каразіна

Прохорова Ольга Миколаївна, директор Інституту міжкультурної комунікації та міжнародних відносин Белгородського державного національного дослідницького університету

Рябенька Ірина Володимирівна, викладач кафедри ділової іноземної мови та перекладу Харківського національного університету імені В.Н.Каразіна

Рябих Людмила Михайлівна, здобувач кафедри методики та практики викладання іноземної мови Харківського національного університету імені В.Н.Каразіна

Сапрун Ірина Рустамівна, доцент кафедри ділової іноземної мови та перекладу Харківського національного університету імені В.Н.Каразіна

Семьонкіна Ірина Артурівна, доцент кафедри іноземних мов №1 Національного юридичного університету імені Ярослава Мудрого

Скрябіна Тетяна Олександрівна, завідувач кафедри Луганського державного медичного університету

Старцева Наталія Миколаївна, доцент кафедри ділової іноземної мови та перекладу Харківського національного університету імені В.Н.Каразіна

Сторчеус Олександра Олександрівна, викладач Луганського державного медичного університету

Судус Юлія Василівна, аспірант Прикарпатського національного університету імені Василя Стефаника

Терехова Лілія Володимирівна, викладач кафедри лексикології та стилістики факультету РГФ Одеського національного університету ім. І.І. Мечникова

Тимошенкова Тамара Михайлівна, завідувач кафедри германської та романської філології Харківського гуманітарного університету “Народна українська академія”

Ухванова Ірина Фролівна, професор кафедри англійської мови та мовної комунікації Інститута журналістики Білоруського державного університету

Ходос Ірина Олександрівна, аспірант Дніпропетровського національного університету імені О. Гончара

Чекулай Ігор Володимирович, професор кафедри англійської мови та методики викладання Белгородського державного національного дослідницького університету

Шамаєва Юлія Юріївна, доцент кафедри методики та практики викладання іноземних мов Харківського національного університету імені В.Н.Каразіна

Шевченко Ірина Семенівна, завідувач кафедри ділової іноземної мови та перекладу Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна

Юшкевич Віра Ігорівна, аспірантка Житомирського державного університету імені Івана Франка

Наукове видання

Матеріали IV міжнародної наукової конференції «Когнітивно-прагматичні дослідження професійних дискурсів». – Харків : Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, 2014. – 120 с.

Відповідальний за випуск І.С. Шевченко
Технічний редактор Л.П. Зябченко
Текст подано в авторській редакції